

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов
БЛИЗНЕЦЫ

ДОБРЫЙ УБИЙЦА

ДЕТЕКТИВ

Близнецы

Андрей Анисимов

Добрый убийца

«Автор»

2004

Анисимов А. Ю.

Добрый убийца / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2004 — (Близнецы)

Когда-то он был следователем. Хорошим следователем. Слишком хорошим, чтобы не нажить себе врагов. Теперь он – частный детектив Человек, который пытается забыть свое прошлое. Но иногда прошлое возвращается... Возвращается – когда гибнет в тюремной больнице при загадочных обстоятельствах его старинный враг, а затем одного за другим убивают двух музыкантов И именно он начинает расследование обстоятельств их гибели.

© Анисимов А. Ю., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Анисимов

Близнецы 3. Добрый убийца

Часть первая

Театральный контракт

Вместо пролога

Аэропорт Пятигорска в девять часов вечера опустел. Последний рейс на Батуми давно объявили, и народ, прихватив сумки, баулы и пакеты, ринулся в узкий проход, где ручную кладь выборочно осмотрели сотрудники безопасности. Проход вел в отстойник. В сетчатом металлическом загоне пассажиров встретила стюардесса с худым долгоносим лицом и сросшимися бровями.

В зале остался один старик-нищий. Бродяга пребывал в одежде на все времена года. Зимнюю шапку он держал в руке, распахнутая куртка на синтепоне показывала давно не мытую грудь, на которой поблескивала цепочка с золотым крестом, а ноги, обутые в летние сандалии, продолжали топтаться возле входа. Ждать милостыню было не от кого, но нищий не уходил. Видно, попрошайка имел чутье и ждал не зря.

В двери аэровокзала вошел молодой мужчина с волнистыми рыжеватыми волосами, одетый в длинное коричневое пальто. В левой руке вошедший держал кейс. Сделав несколько шагов, он остановился и запустил свободную правую руку в карман. Нищий мгновенно превратил лицо в просящую маску и согнулся с протянутой грязной ушанкой. Но прохожий извлек из кармана брюк не подавание, а билет на батумский рейс. Нищий не отходил.

– Я хочу есть, – сердито заявил бродяга, сделав шаг к опоздавшему пассажиру.

Тот посмотрел на него сумрачным взглядом, снова полез в карман и вынул сторублевую бумажку.

– Ты веришь в Бога, старик? – спросил мужчина, придерживая купюру возле носа нищего.

– Видишь, я не пропил золотой крест, – ответил попрошайка и потрогал золотую цепочку с крестом на своей груди.

– Тогда возьми деньги, покушай и помолись за меня.

– Спасибо, сынок. Я обязательно попрошу, чтобы Господь воздал тебе за доброту, но за кого мне молиться? – вопрошал нищий. – Назови себя.

– Для Господа имя не важно. Он каждого из нас знает. Ты помолись, и Он поймет, – ответил благодетель и быстро зашагал к секции регистрации пассажиров.

Регистрация закончилась, и стойка опустела.

Рыжеватый отыскал дежурного, убежденно и долго с ним о чем-то говорил. Сообразив, что слова не помогут, достал бумажник. Жест подействовал. Взятка исчезла в глубинах синего кителя.

– Проходи. Но если самолет улетел, претензий мне не высказывай, – открывая служебную дверь, предупредил дежурный. Долгоносая стюардесса давно увела своих пассажиров, и опоздавшему пришлось одному через все летное поле бежать к самолету.

Он только успел подняться на трап, как взревели двигатели.

Пристегивая ремень, едва не отставший путешественник подумал, что не зря подал старику. Господь уже явил ему свою милость и задержал вылет.

Половина кресел пустовала. Летать самолетами стало слишком дорого, и народ старался обходиться наземным транспортом. Рыжеватый уткнулся в круглое окошко. Навстречу медленно поползли огоньки аэродрома. Подрагивая корпусом, металлическая машина двинулась, не спеша развернулась, приостановилась, постояла, словно набирая в легкие воздуха, потом вздрогнула, взревела всей своей мощью и понеслась вперед.

Через минуту огоньки летного поля остались внизу. Под брюхом лайнера пунктиром промелькнули обозначенные фонарями линии городских улиц, и все исчезло. Самолет врезался в слой облаков и утонул во мраке. Лишь маленький серебристый кружок металла на крыле высвечивала мигающая зеленая лампочка. Пассажир перестал глядеть в иллюминатор и откинул кресло. Он прикрыл глаза, устроил голову на подголовник и, придерживая на коленях плоский кожаный кейс, замер.

Так и просидел он все время полета, пока стюардесса не объявила, что они идут на посадку и пора пристегиваться. Беременная женщина, сидевшая в кресле через проход от рыжеватого пассажира, не хотела стеснять свой округлый живот ремнями и виновато улыбнулась.

Стюардесса повторила просьбу. Мужчину это не касалось – он не отстегивал ремней и теперь мог не шевелиться. Из-за сильного тумана с первого раза пилоты посадить машину не смогли и делали повторную попытку. Наш пассажир вспомнил старого нищего в дверях аэровокзала, его золотой крест на темной, поросшей седыми волосами невымытой груди, и подумал, что бродяга, наверное, уже пропил его столик.

«Помолится старик за меня или забыл?» – засомневался воздушный путешественник.

Страшный удар и грохот прервали его размышления. Последнее, что он увидел, были глаза беременной женщины, с удивлением и ужасом застывшие в огненной вспышке.

На скале, недалеко от батумского аэродрома, спасатели несколько дней собирали останки пассажиров и экипажа. Рыжеватому оторвало голову, и поэтому опознать обезглавленный труп с зажатым в левой руке маленьким кейсом так и не удалось. Кейс оказался запертым. Когда его открыли, то удивились содержимому. Ни документов, ни вещей, ни денег в кейсе не нашли.

В пустом чемоданчике зловеще покоился нож с длинным и тонким лезвием, наточенным с обеих сторон до остроты бритвы. На золоченой рукоятке ножа, сильно походившего на миниатюрный меч, было по-грузински начертано только одно слово. Дежурный в Пятигорске пожалел опоздавшего и пропустил его без регистрации, поэтому и в списках погибших тот не значился.

Специальная комиссия составила опись всех найденных вещей. Но через два дня из хранилища батумской таможни нож странным образом исчез. Еще необъяснимее оказалась история с обезглавленным трупом. Его опознала старушка Като. Она утверждала, что обезглавленное тело принадлежит ее сыну. Като уже несколько лет жила в доме престарелых, и все знали, что она бездетная. Но никто другой неизвестным пассажиром не заинтересовался, поэтому через месяц тело ей отдали. Старушка похоронила обезглавленного сына на батумском кладбище и поставила на его могиле дорогой памятник из черного гранита. Ни имени, ни фамилии мастер на памятнике не выбил. На полированном темном камне прохожий мог прочесть лишь одно слово «ШЕДОБИТ». Посетителей кладбища, говорящих по-грузински, это не удивляло.

О катастрофе несколько дней рассказывали все средства массовой информации. Затем новые события вытеснили со страниц газет и из телевизионных сводок репортажи об авиационной катастрофе под Батуми. И о случившемся все забыли.

1

К мужу Надю опять не пустили. Она присела на холодный стул, покрытый несвежим белым чехлом, и не отрываясь стала смотреть на дверь палаты. По коридору прошла группа практикантов. Молодые люди что-то записывали в тетради и много смеялись.

Надя провела в больнице десять дней. Она ездила в гостиницу только спать. Три дня Петра Григорьевича держали в реанимации. Там его курировал молодой врач, только что закончивший обучение. Тот подозревал, что у Петра поврежден позвоночник. Надя уже начала привыкать к страшной мысли, что ее супруг сможет передвигаться лишь в инвалидном кресле. Но, к счастью, диагноз не подтвердился. Ерожина перевели в шестиместную палату. Он был слаб, но Надю узнал, и они немного поговорили.

Два дня назад ее к мужу не пустили. Вчера повторилась та же история. Женщина сидела целый день в больнице, но ничего не смогла выяснить. Сегодня Надя сумела с утра пробиться в отделение и занять пост у дверей палаты. Время тянулось к обеду, а к ней опять никто не выходил. Надя несколько раз пыталась проникнуть внутрь; но пожилая медсестра прокуреным голосом отпирала ее назад в коридор:

– Подожди, дочка. Врач к тебе выйдет.

Прошел еще час. Из грузового лифта два санитары вытолкали мрачный лежак на колесах, обтянутый черным кожаменителем. Возле Нади они приостановились, раскрыли дверь и, лихо крутанув лежанку, вкатили ее в палату.

Минут через пять молодые люди вернулись.

На лежанке под белой простыней просматривались очертания человека. Надя вскочила и, не понимая, что делает, отбросила край простыни. Желтое лицо покойника с застывшим оскалом заставило ее отшатнуться.

– Ты чего, барышня? – возвращая простыню на место, грозно спросил один из санитаров. – С ними шутить не надо...

Надя не ответила. Она вернулась на свой стул, закрыла лицо руками и поняла, что ей страшно.

«Напрасно я отпустила дядю Ваню», – подумала Надя. На утро после того, как Петр протаранил машину Кадкова, Иван Григорьевич приехал в Питер. Но он прибыл в город на Неве не один. Люба путешествовала тем же поездом, но встретились они уже на перроне. К вечеру того же дня из Новгорода на своей «трешке» прикатил Суворов в компании с Таней.

Общий сбор произошел в больнице.

Глеб рассказал, как Петр задержал убийцу. Молодой человек до сих пор не мог понять мотиваций шефа. Суворов с Таней тоже остались в недоумении. Один генерал вовсе не удивился, что его друг так странно действовал.

Наде даже показалось, что Грыжин знал что-то такое, о чем не подозревали другие, и про себя одобрял поступок подполковника.

Бывший замминистра вернулся в Москву лишь после того, как Петра из реанимации перевели в травматологию. Криминалист уехал раньше. Суворов не мог оставить работу больше чем на один день. В Питере задержались Глеб, Люба и Таня. Михеев сутками возился с машиной, восстанавливая разбитый Петром Григорьевичем «Сааб».

– Вы Надежда Ивановна Ерожина? – услышала Надя над собой хриловатый мужской бас. Она отняла от лица руки и увидела полного мужчину в белом халате. Если бы не голос, его вполне можно было принять за женщину. Гладкие, без намека на щетину щеки, узкие щелочки заплавленных глаз и маленький курносый носик больше подходили облику дамы.

– Да, я Надежда Ерожина, – подтвердила Надя и встала.

– Ничего веселого вам сказать не могу-с, – сообщил женоподобный доктор, вертя в пухлых ручках маленький блокнот.

– Веселого я и не жду. Я хочу знать, в каком состоянии находится мой муж?

– Вот-с, вот-с. В каком состоянии? – повторил за ней доктор и заглянул в блокнот. – Сильная боль по всей ноге, особенно в пальцах.

Очень скверный симптом-с.

– При чем тут нога? Удар ведь пришелся в грудь, – возразила Надя.

– Три ребра-с у него сломаны. Но ребра срастутся, – врач снова просмотрел свои записи. – Так-с. Имеется еще небольшое сотрясение мозга, но и это не смертельно-с. Недельку-с постельного режима, и мог бы гулять.

А вот нога-с...

– Что нога? – Надя пыталась добиться внятного ответа.

– Повторяю, очень-с неприятные симптомы. Высокая температурка с ознобом-с, раз.

Боль в ноге, особенно в пальцах, два-с. Сероватый оттенок тканей вокруг раны и отечность, три-с. Эти признаки указывают на возможность сепсиса. Я полагаю, для спасения жизни больного ногу-с придется ампутировать. Для операции необходимо ваше согласие.

Вот-с.

– Вы спятили? Он же сыщик! – закричала Надя.

– Не кричите на меня, Надежда Ивановна. Здесь больница-с, а не детский сад-с. Я излагаю правдивую картину болезни, а решать вам-с, – поморщился доктор.

– Его рану смотрели разные врачи, делали перевязки и не сулили ничего ужасного.

А вы говорите об ампутации?

– Возможно-с. Но вы представляете, что значит стать участником ДТП? И это после прежних-с травм. Сегодня картинка другая-с, – невозмутимо сообщил женоподобный толстяк.

– О чем же вы думали десять дней?! – Надя снова перешла на крик.

– Больной лежал в другом отделении-с.

В реанимации коллеги в первую очередь обратили внимание на позвоночник-с. Вот-с, – спокойно пояснил врач.

– Я должна дать согласие? – спросила Надя дрожащим голосом. Нервы у нее были на пределе, и манера доктора пристраивать к словам уменьшительный суффикс ее бесила. Она еле сдерживалась.

– Да, раз вы супруга, то должны дать согласие в письменной форме-с.

– Хорошо, я подумаю. – Надя взяла себя в руки, и голос ее перестал дрожать.

– На размышленье-с у вас не больше суток, – предупредил женоподобный доктор и утицей уплыл по коридору.

Безразличие медицинского персонала поначалу Надю обескураживало. Глубоко в сознании у нее крепилась мысль, что больница – храм здоровья, а врачи – жрецы этого храма.

Но в обыкновенной городской клинике она столкнулась с совершенно другой реальностью и стала понемногу к ней привыкать.

В отделении, где лежал Петр, еще соблюдался некоторый порядок, хотя и здесь лекарства приходилось выискивать по аптекам родственникам больных и привозить докторам.

Медсестре Надя сразу сунула приличную сумму, но на следующий день пришла другая смена и ситуация повторилась. Сестры постоянно менялись, и Ерожина не всегда была уверена, что они помнят, у кого и за что брали деньги.

От символического больничного питания Надя сразу отказалась. Готовить самой в гостинице возможности не было. Ерожину требовалась особая диета, поэтому еду для него приносила из дома Таня.

Свое мнение о Назаровой Надя вынуждена была изменить. При первой встрече на даче банкира Татьяна Назарова жене подполковника резко не понравилась. Одно то, что милицио-

нерша готова была поверить мерзкой клевете на Петра, Надю взбесило. Потом она стала подозревать, что младший лейтенант на Ерожина по-женски обижен. Но когда случилось несчастье, Назарова проявила себя настоящим другом. Она взяла отпуск за свой счет, готовила для больного протертые супы, организовала с помощью своего отца гараж для ремонта разбитой машины, поселила в родительской квартире Глеба и Любу. Все деньги уходили на ремонт иномарки, и жить в гостинице Михеевы позволить себе не могли.

– Дочка, ты чего сидишь, доктор ведь с тобой поговорил, – перебила Надины мысли медицинская сестра.

– Я бы хотела повидать мужа. Мне нужно посоветоваться с ним об операции, – сказала Надя и полезла в сумку за кошельком.

– Денег не давай. Все равно не пушу. Больной от температуры в беспамятстве. Ты о себе подумай. Бледная как смерть. Сидишь тут сутками не жрамши.

Надя медленно побрела по коридору. Люба, как и эта пожилая женщина, ее тоже ругала.

Надя вспомнила, что сестра предлагала сменить ее и подежурить в больнице. Но Надя не согласилась.

– Лучше помоги своему Михееву с ремонтом. Он один в гараже загнется, – сказала она Любе.

Люба помогала – кормила мужика, носилась по магазинам запчастей, выискивая реле, проводки, термостаты и другие мало понятные для женского разума детали. Глеб – механик и моторист, быстро разобрался с иномаркой, и ремонт вступил в завершающую стадию.

Надя не заметила, как спустилась по лестнице. Она вышла из больницы и остановилась.

Дальше идти не было сил. Мысль о том, что Петру могут ампутировать ногу, подкашивала ее собственные ноги. Надя присела на мокрую лавку при больничном скверике и достала мобильный телефон:

– Глеб, Петру собираются делать ампутацию.

– Перезвони через две минуты, у меня гаечный ключ в зубах, а сам я в «яме», – попросил Михеев.

Надя подумала и набрала московский телефон генерала. Грыжина дома не оказалось.

Галина Игнатьевна сообщила, что муж в новом офисе Петра Григорьевича. Надя не знала туда номера, телефон поставили только вчера. Бригада эстонских строителей лишь два дня назад закончила ремонт офиса и теперь восстанавливала их квартиру в Чертаново.

Генеральша долго копалась в бумагах и наконец продиктовала нужные цифры.

– Сыскное бюро Петра Ерожина, – услышала Надя знакомый бас генерала.

– Дядя Ваня, что делать?! Петру хотят отрезать ногу, – сказала она и заплакала.

– погоди, он же оклемался! – удивился Грыжин и, услышав, что Надя расплакалась, добавил:

– Ты без этого... без паники. Когда назначили операцию?

– Они мне сутки на размышления дают.

Без моего согласия резать не будут, – ответила Надя.

– Сейчас тывку напрягу. Дай мне полчаса времени. Старый стал – быстро не соображаю, – пожаловался Грыжин.

Надя поблагодарила его и позвонила Вере.

– Господи! Что за напасть на наших мужиков! – запричитала сестра. – Моего сегодня, слава Богу, выписывают. Теперь с твоим беда. погоди, я с Севой посоветуюсь и перезвоню. Ты по мобильному говоришь?

Надя встала со скамейки и побрела по больничному скверу к выходу с территории клиники.

На проспекте ветер сдувал с ног. В кожаном пальто становилось холодно, но Надя не чувствовала погоды. Она не знала, куда ей идти, что делать. Ехать в гостиницу, когда Петр лежит в своей палате и ему грозит ужасная операция, Надя не могла. Тут она рядом с ним.

Ей казалось, что от ее присутствия мужу легче. Первым отзвонил Глеб:

– Ты чего затихла? Я вылез из «ямы» и жду твоего звонка. Рассказывай по порядку.

Надя подробно пересказала разговор с доктором.

– Мы сейчас к тебе приедем. Жди. Будем минут через пятнадцать, – пообещал Глеб.

– На чем приедете? – не поняла Надя. От набережной Фонтанки, где находился гараж, до больницы в Купчино добираться городским транспортом нужно было не меньше часа.

– Машина на ходу, – бодро сообщил Михеев.

Надя вернулась в сквер лечебницы и спряталась от ветра за одноэтажный домик котельной. Взглянув на унылое здание больницы, она заметила справа от главного входа, у железных ворот, странное скопление людей. Надя подошла поближе. Человек двенадцать стояли молча, явно чего-то ожидая. Надя внимательнее оглядела створки ворот и заметила мрачную табличку с надписью «морг». Пока она гадала, чего ждут эти люди, подкатил автобус с черной полосой. Ворота раскрылись, два мужика в синих халатах и клеенчатых фартуках выкатили на тележке гроб и поставили в автобус.

«Как же обыденно заканчивается жизнь! – промелькнуло в голове Ерожиной. Только на секунду она представила, что вот так вынесут и ее Петра, и поняла, что согласна на операцию. – Пускай без ноги, но живой. Только бы не стоять у этих ворот! Пусть будет все, что угодно, только не это».

Надя подняла воротник и направилась к главному входу. Она приняла решение и готова была дать письменное согласие на операцию.

– Надя, ты куда? – Глеб стоял возле машины и с удивлением смотрел, как жена его шефа идет мимо, не обращая на него никакого внимания.

– Ой, Глеб, как ты быстро! – удивилась Надя. – Я же сказал, что мы будем через пятнадцать минут. Вот и приехали.

Дверцы «Сааба» раскрылись, и из них вышли Люба с Таней. – Подождите меня, я сейчас, – попросила Надя. – Только напишу согласие на операцию.

Реакция Глеба, как всегда, оказалась мгновенной. Он сделал два огромных шага, взял Надю на руки и, не обращая внимания на ее протесты, усадил в машину. Таня и Люба с удовольствием вернулись в салон «Сааба».

– А его мнение тебя не волнует? – поинтересовался Михеев, продолжая держать свою огромную лапу на Надином плече.

– Петр бредит. У него высокая температура, и меня к нему не пускают. Без операции Петя может умереть, – сказала Ерожина, пытаясь освободиться от руки Глеба.

– Такой вопрос надо решать без эмоций, – поддержала Назарова.

– И посоветоваться с другими врачами, – добавила Люба.

У Нади зазвонил мобильный телефон.

– Убери свою лапу, я должна достать мобильник, – потребовала супруга Ерожина.

Глеб нехотя повиновался. Звонил Сева Кроткин.

– Надька, давай Петра Григорьевича заберем в Москву! Ермаков его вылечит и ногу сохранит. Ермаков – чудесник. Меня уже выписали, – кричал в трубку Сева. Кроткий, который во время болезни говорил слабым и сиплым голосом, вновь обрел знакомый бархатный баритон.

– Карлсон, ты в своем уме? У него температура под сорок! Петр не выдержит девяти часов дороги, – от возмущения наивностью родственника Надя вспомнила его шутовское прозвище.

– Выдержит. Он мужик крепкий. И... потом... почему девять? Три часа... и он в Москве – настаивал Кроткин.

- Это как, на ковре-самолете? – не поняла Надя.
- Сейчас тебе позвонит Грыжин. Мы с генералом уже все обсудили, – сообщил Сева.
- О чем вы спорите? – поинтересовалась Люба, когда сестра закончила разговор с Моск-

вой.

Надя озвучила предложения Севы. Друзья не успели отреагировать, как позвонил Грыжин.

- Где Михеев? – без предисловий спросил генерал.
- Рядом со мной в машине.

– Ты сейчас дашь трубку парню, я с ним обо всем договорюсь. Ваше дело исполнять приказы Михеева. На время болезни Петра я как заместитель Ерожина назначаю его начальником.

Надя без слов передала Михееву трубку.

О чем говорил Иван Григорьевич с молодым человеком, друзья не слышали. Глеб же отвечал одной фразой: «Понял, товарищ генерал».

Закончив разговор с Грыжиным, Глеб рассеянно вернул трубку Наде и задумался. На вопросы женщин он не реагировал, а лишь внимательно смотрел на часы.

– Во сколько основной персонал заканчивает работу в больнице? – наконец заговорил Михеев.

Надя, изучившая режим лечебницы досконально, уверенно сообщила, что жизнь в клинике начинается рано – с восьми часов, а после обеда обычно остаются лишь дежурные врачи и санитары.

– Таня, сейчас мы едем к тебе домой, ты берешь простыни, находишь спальный мешок и всех нас кормишь. Если, конечно, что-нибудь найдешь. У нас всего час свободного времени.

Назарова кивнула. Надя и Люба обменялись недоуменными взглядами, но вопросов задавать не стали. Глеб завел машину и рванул с места.

– Набрось ремешок. У меня нет доверенности на машину, и встречи с инспектором нам не нужны, – сказал он Наде.

Ровно через час они вернулись к больнице.

– Вы, сестрички, оставайтесь в салоне и ждите, – приказал Михеев Наде и Любе. Затем он взял свернутый спальный мешок и вместе с Таней вышел на улицу. Сестры пронаблюдали в окно, как Глеб с девушкой решительно зашагали к главному входу.

– Это же безумие, – прошептала Надя.

– Если доктор сказал, что ты имеешь сутки на раздумье, лучше эти сутки использовать на дело, а не на ожидание, – успокоила сестру Люба.

Надя вздохнула и замолчала. Прошло двадцать пять минут. В машине время тянулось дольше. Надя смотрела на часы и переживала. Ей казалось, что стрелки замерли. Прошло еще десять минут.

Огромная фигура Глеба возникла неожиданно. Михеев плюхнулся на водительское место, завел «Сааб» и, дав задний ход, заехал в ворота клиники. Затем по двору обогнул здание и остановился возле входа без всяких табличек или надписей.

– Когда я появлюсь, сразу вылезай и помогайте его устроить, – выходя из машины, бросил Глеб и исчез за таинственной дверью.

Минут через десять он появился снова. На этот раз с Таней. Они вместе вынесли спальный мешок с Ерожиным. С помощью Назаровой и сестер Михееву довольно быстро удалось пристроить Петра Григорьевича на заднее сиденье. Иномарка при всей своей вместительности не была приспособлена для транспортировки лежачих больных. Для Тани места не осталось, и она, пожелав друзьям удачи, направилась к метро.

Михеев вырулил из больничного двора и помчал по проспекту.

– Надя, звони Грыжину в офис! Он ждет, – потребовал он, сосредоточенно объезжая ухабы.

Надя обтирала мужу лицо платком и не сразу поняла, что от нее хотят.

– Ты что, уснула?! – раздраженно крикнул Михеев. Окрик подействовал. Надя достала телефон, потом начала искать номер, который она записала со слов генеральши.

– Что говорить дяде Ване? – спросила она, нажимая на кнопки мобильного аппарата.

– Скажи, что Петр Григорьевич уже в машине и мы выбираемся на московскую трассу, – приказал водитель.

Надя доложила генералу обстановку. Тот понял все с полуслова:

– Жмите до поста, что на выезде из Питера. Инспектора предупреждены. Как он?

– Весь в жару. Но, по-моему, в сознании, – ответила Надя.

– Хорошо, что район Купчино рядом с Московским шоссе. Через город, по питерским ухабам, мы бы его добились, – проворчал Глеб, объезжая очередную выбоину.

На посту их действительно ждали. Два сотрудника ГИБДД выбежали навстречу и указали место, где поставить машину.

– Иди, помогай, – сказал Михееву молодой капитан, когда водитель припарковал «Сааб» на самом краю асфальтированной площадки. Михеев вышел и проследовал за капитаном. На площадке у поста стояла антикварная двадцать первая «Волга», и два инспектора вместе с Михеевым откатали ее на грунт.

– Порядок. Полоса к приему лайнера готова, – сообщил капитан, вытирая руки. – Ждите, сейчас будут.

Михеев вернулся к машине. От стука дверей Ерожин вздрогнул и открыл глаза.

– Все будет хорошо, милый. Все хорошо, – зашептала жена.

Петр кивнул, слабо улыбнулся и опять прикрыл глаза.

– Готовьте больного. Они здесь, – крикнул капитан, подбегая к машине.

И сразу где-то сверху послышался гул мотора. Он нарастал и с каждой секундой становился громче. Вертолет с надписью «МЧС» на борту приземлился прямо на площадку. Из него вышли двое в комбинезонах с носилками.

Глеб осторожно вытянул спальный мешок с Ерожиным и понес им навстречу. Надя, придерживая мужа, шагала рядом.

– Можем взять на борт только жену, – предупредил один из вертолетчиков.

2

Константин Филиппович Ермаков приехал домой в половине шестого. Профессор провел трудную операцию и на вопрос супруги: «Почему не обедаешь?» – ответил просто:

– Не хочу.

Мария Андреевна молча взяла поднос с супом и покинула кабинет мужа. Она знала, что супругу надо дать время отойти от «больничных» мыслей и физически отдохнуть. Кроме ответственности, которая ложится на плечи хирурга, когда он берет в руки скальпель, у профессора, как у всякого заведующего отделением, имелось и много других административных забот. Помимо этого ему каждый день приходилось преодолевать себя. Элегантный и подтянутый доктор, казалось, пользуется своей тростью больше из причудливого кокетства, нежели по необходимости. И только сам Ермаков ведал, чего ему стоит эта элегантность и легкость. Вернувшись с работы и отстегнув протез, ему предстояло проделать немало процедур, чтобы снять боль, скопившуюся за рабочий день. Собраться после работы в театр или пойти в гости требовало от Константина Филипповича не столько желания, сколько мужества.

На сегодняшний вечер жена приобрела билеты в Большой. Купила их Мария Андреевна еще три недели назад. Она понимала, что супруг должен морально подготовиться к вечернему походу, и поэтому готовила его к этому событию заранее. Ермаков любил балет, и сейчас,

сидя в кресле, он знал, что пересилит повторный выход из дома ради удовольствия попасть на балетную премьеру.

Личную «Таврию» с ручным управлением Ермаков не загнал в гараж, а оставил возле подъезда. Машина ему полагалась бесплатно как инвалиду афганской кампании, и Константин Филиппович совершенно не страдал от малой престижности такого «лимузина», а весьма гордился заботой государства о своей персоне.

– Хоть чаю выпей, – громко предложила Мария Андреевна, не покидая кухни.

– Дай, Маша, мне лучше кофе. Что-то я сегодня притомился и боюсь захрапеть в театре, – попросил Ермаков.

Когда дома не было посторонних, жена подавала трапезу в кабинет, чтобы Константин Филиппович мог лишний раз не вставать с удобного кресла.

Ермаков любил свой дом. В этой квартире на Поварской жили еще его родители. Кабинет сыну перешел от отца, тоже военного медика, погибшего в Корее. Страна тогда воевала с «империалистами», и советские медики вместе с военными помогали красным корейским вождям. Мать Ермакова скончалась недавно. В отцовском кабинете Константин Филиппович часто уносился мыслями в годы юности. Вспоминал себя без трости, гоняющим мяч по двору или скользящим на лыжах по заснеженному Подмосквью.

– Кофе заказывали? – голосом официантки спросила Мария Андреевна.

– Спасибо, Маша, – улыбнулся профессор, принимая маленький поднос с чашкой кофе, бутербродом с икрой и рюмкой коньяка.

Подобную роскошь Ермаков позволял себе только по выходным. Поход в театр жена приравнивала к выходному дню, чем и вызвала улыбку супруга; – Константин Филиппович залпом отправил в рот рюмку коньяка. Посмаковал, откинувшись в кресле. Потом взял вилку и нож, разрезал бутерброд с икрой на четыре части и не спеша закусил. Кофе профессор пил неторопливо, маленькими глотками. Жена умела готовить этот напиток. Мария Андреевна родилась и выросла в Абхазии, где на границе служил ее отец. В сухумских кофейнях испокон веков работали греки. Они подавали кофе с горячего песка в специальных маленьких турках. Песка супруга профессора не держала, но кофе варила мастерски. Константин Филиппович с сожалением поставил пустую чашку на блюдце и посмотрел на часы. На сборы оставалось двадцать минут.

Это было как раз то время, которое требовалось, чтобы вернуть протез на место и переодеться в выходной костюм. Профессор оставался старомоден в своих привычках и посещать театр в джинсах считал неприличным.

Он уже взял в руки рубашку, когда в кабинете появилась жена и растерянно сообщила, что у них в доме гость.

– Кто? – удивился Ермаков. – Я не слышал звонка.

– Какой-то генерал. Я выносила мусор, а он вышел из лифта. – Мария Андреевна была уже в вечернем платье, и пустое помойное ведро, которое она держала, выглядело в ее руках несуразно.

Ермаков взял трость и вышел из кабинета.

В холле он увидел внушительную фигуру с небольшим брюшком, но мощную и широкоплечую, облаченную в генеральский мундир, украшенный орденами и нашивками.

– Вы меня, конечно, не помните? – заявила фигура басом. – Меня зовут Иван Григорьевич Грыжин. Видались мы в вашей больнице.

– Возможно. Но такого пациента, как вы, я бы не забыл, – усмехнулся профессор, оглядывая знаки отличия генерала.

– Слава Богу, на здоровье не жалуясь и никогда в больницах не лежал. А был я у вас по поводу моего раненого помощника, подполковника Ерожина, – извиняющимся тоном сообщил гость.

– Никак сам замминистра пожаловал? – улыбнулся профессор, вспоминая сурового посетителя, навещавшего его больного. – Если мне память не изменяет, вы тогда предпочитали штатский костюм?

– Увы, теперь я пенсионер. А мундир напялил, чтоб солидно выглядеть. На работу его раза два в год надевал. Не люблю воротничков, шею стесняют, – признался Грыжин.

– Выходит, весь этот парад в мою честь?

Польщен. Проходите, присаживайтесь, – пригласил профессор.

– Сидеть мне некогда, я к вам приехал по делу. Друга спасать надо, – отказался Грыжин от вежливого предложения и прямо в холле поведал профессору о похищении подполковника из питерской лечебницы.

– Прямо из палаты уволокли? – не поверил Ермаков. – Да вы, генерал, просто-напросто хулиган!

Отметив в интонации профессора нотки восхищения, Иван Григорьевич приободрился:

– Профессор, вы в прошлом человек военный, поймете, некогда нам было антимонии разводить. Пока я бы по инстанциям колотился, у него нога сама по себе могла отвалиться, А без ноги сыщику плохо.

Что такое жить без ноги, Ермакову можно было не объяснять.

– Маша, театр отменяется, – крикнул он жене.

Мария Андреевна недовольно покосилась на незваного гостя:

– Ну вот, а я первый раз это вечернее платье надела.

– Уж извини, Машенька. Тут некоторые товарищи таких дел понатворили, что теперь мне деваться некуда, – кивнув на генерала, ответил жене Ермаков.

– Супругу мы до театра доставим, – пообещал Грыжин.

– Нет, без Кости я на балет не пойду. Надеюсь, Большой театр завтра не закроют. Сходим в другой раз, – ответила Мария Андреевна и гордо понесла на кухню пустое ведро.

– Маша у меня ко всему привыкла. Двадцать семь лет вместе, – улыбнулся Ермаков.

Спускаясь на лифте, Константин Филиппович подумал, что не зря оставил машину у подъезда. Но использовать свою «Таврию» ему не пришлось. Рядом с ней красовался «Шевроле» Управления внутренних дел.

– Прошу. Полковник Бобров с Петровки прислал за вами, – пригласил Иван Григорьевич профессора, открывая ему дверцу рядом с водителем.

– Мне еще и обратно ехать, – предупредил Ермаков, усаживаясь на сиденье.

– Обижаете, профессор, – улыбнулся генерал. – Доставим до дома со всеми почестями. – И обратился к водителю:

– Давай, Коля, жми.

Водитель рванул с места и включил сирену. По дороге Иван Григорьевич рассказал, как Петр Ерожин выследил убийцу. Как тот стрелял в сыщика и ранил его в ногу. Как Ерожин задержал убийцу, протаранив машину преступника, после чего сам оказался в больнице.

– Для пенсионера вы довольно лихо организовали операцию по спасению друга, – заметил профессор.

– Связи остались. Позвонил в МЧС, там мой дружок замом у министра пока служит.

Он сбегал к начальству. Тот мужик нормальный, все понял. Я, конечно, умолчал, что ребята Ерожина из больницы выкрали. А так все начистоту выложил. – Иван Григорьевич подмигнул Ермакову.

– Меня как разыскали? – полюбопытствовал Константин Филиппович.

– Полковник Бобров на вас ориентировку через десять минут выдал. Вы уж не взыщите, профессор. У нас пока в управлении люди работают.

– Все понимаю. Но почему Петр Григорьевич на таран пошел? – задумчиво проговорил Ермаков. – Он же выследил убийцу. Вот и молодец. Сделал свое дело. Что, в Питере ОМОНа нет?

– У подполковника свои соображения имелись. Много личного с преступником у него связано. Не хотел Петя чужими жизнями рисковать, – объяснил генерал и посмотрел на часы.

– Они сейчас в воздухе? – заметив взгляд попутчика, поинтересовался доктор.

– Через полчаса приземлятся, двадцать минут им надо, чтобы добраться до больницы.

Не позже чем через час пациент окажется в вашем распоряжении, – отрапортовал Грыжин.

В больнице на профессора в парадном костюме – а переодеться он не успел, – явившегося в компании с генералом, смотрели во все глаза.

– Дайте ему халат, – указав на Грыжина, бросил Ермаков охране и, опираясь на трость, пошел к грузовому лифту. Лифт для персонала уже отключили. Иван Григорьевич с трудом натянул халат поверх своего генеральского кителя и поднялся на третий этаж по лестнице. Медсестра средних лет, с сеточкой мелких морщин вокруг внимательных бесцветных глаз, провела его в кабинет заведующего отделением:

– Просили вас обождать тут. Сам пока готовится. Побегу помогать.

Иван Григорьевич, кряхтя, сел на диван и из кармана кителя извлек плоскую фляжку.

Затем он не спеша открутил крышку и сделал большой глоток.

– Теперь держись, сынок, – негромко проворчал генерал и откинулся на спинку дивана. Он припомнил, что они знакомы немногим более десяти лет. «А сколько всего накрутило за эти годы», – подумал Грыжин. Все началось со звонка в новгородскую квартиру дочери. Он позвонил в то время, когда молодой сыщик начал следствие по делу убийства начальника областного потребсоюза Кадкова.

– Как тебя зовут, капитан? – спросил тогда заместитель министра.

– Петей, – ответил Ерожин.

Через несколько дней Соня приехала в Москву. От дочери Иван Григорьевич и узнал, что мужа застрелила она. Генерал тогда подумал, что капитан Ерожин – хитрый парень и захочет за свое благодеяние помощь заместителя министра в карьере. После первой личной встречи, когда они оба выпили в баньке замминистра, генерал понял, что сильно ошибался.

Парню просто приглянулась его дочка, и тот, засадив в тюрьму тунеядца Эдика, ее прикрыл.

Вот теперь Эдик расправился с Соней, да и еще дел наворотил. Что и говорить... У них с Петром Ерожиным все эти годы Эдик Кадков лежал камнем на сердце. Каким бы он не был проходимцем, убийства ведь он тогда не совершал!

Это они с Ерожиным сломали ему жизнь, превратив парня в зверя. Поэтому Петр и пошел на таран. Они встретились как на дуэли. Да нет, в случае с Эдиком это была скорее охота – один на один, как на медведя с рогатиной.

Поначалу Петра Григорьевича с Ерожиным связывала их общая тайна, но постепенно генерал привязался к Петру, и тот стал для него вроде сына. Грыжин ценил талант сыщика.

И хоть ворчал, что слабость к прекрасному полу мешает Ерожину добиться больших чинов, в глубине души он гордился парнем и симпатизировал его бесшабашности и презрению к званиям и карьере.

Генерал посмотрел на часы и снова потянулся к фляжке.

«Пора бы им быть», – подумал Иван Григорьевич и глотнул своего любимого армянского коньяка «Ани».

Время шло. Ермаков заходил несколько раз, но надолго не задерживался. Генерал все чаще поглядывал на часы:

«Только бы довезли нормально. Что-то долго они тянутся», – в очередной раз забеспокоился Иван Григорьевич и услышал стук женских каблучков.

В тишине больничных коридоров они звучали оглушительно громко. Дверь кабинета открылась, и Грыжин увидел жену Петра.

– Дядя Ваня! – проговорила Надя и бросилась к генералу.

– Довезли? – спросил Грыжин.

– Довезли. Профессор уже его смотрит. – Молодая женщина прижалась к Ивану Григорьевичу, с трудом сдерживая слезы. Грыжин обнял Надю и почувствовал, как она дрожит в его руках.

– Не надо, девочка. Ты умница. Ты сделала все, что могла. Петро выдюжит. Он мужик крепкий. Ты не сомневайся.

– Правда? Вы правда так думаете? – всхлипнула Ерожина.

– В хорошие руки мы твоего мужа сдали.

Ермаков сам ногу на войне потерял. Он цену конечностям по себе знает. Зря резать не будет.

Если уж и решится, значит, по-другому нельзя.

– Я понимаю. Только бы жил, – вздохнула Надя и достала носовой платок.

– Вот и молодец, что понимаешь, – похвалил Грыжин девушку и подумал: «Нормальную бабу взял Петро в жены. Хоть и тоща, а страдает мужу».

В коридоре снова послышался стук каблучков, но на этот раз шагающих явно было больше. Через минуту в кабинете заведующего отделением сидеть было не на чем. В больницу прибыло семейство Аксеновых почти что в полном составе. Не хватало только Любы и Глеба.

Марфа Ильинична привезла корзину с провизией. При виде продуктов Надя вспомнила, что очень давно ничего не ела. Хозяйничала Марфа Ильинична. Она поставила электрочайник и принялась выкладывать на рабочий стол профессора привезенные деликатесы.

Елена Николаевна пыталась уговорить Надю перекусить, но дочь от волнения потеряла аппетит:

– Мама, еда не лезет в горло. Давай дождемся заключения профессора...

– А я, с вашего разрешения, закушу, – сообщил Сева Кроткий. Он заметно похудел, но с тех пор как Надя его видела в больнице, уже успел немного наверстать в весе.

– Ты, Карлсон, ешь, а я пока не могу, – грустно сказала Надя.

Аксенов стоял молча и теребил пачку «Ротманса». Закурить в кабинете профессора он не решался.

– Если помрешь с голоду, кто станет мужа выхаживать? – стыдила Надю бабушка.

В одиннадцать вечера в больнице появился Бобров.

– Ну как дела? – спросил он, неловко застегивая белый халат.

– Пока не ясно. Ждем профессора, – ответил генерал.

– Вижу, неплохо ждете, – заметил полковник, оглядев профессорский письменный стол, заставленный тарелками со всевозможной снедью.

– Присоединяйтесь, Никита Васильевич, – предложил Аксенов.

– Я из дома, – отказался от еды Бобров. – Моя помощь нужна?

– Ты бы, полковник, проследил, чтобы Глеба на трассе не дергали. Он без документов на машину по шоссе идет, – попросил Грыжин.

– Его с Питера ведут. Не беспокойтесь, Иван Григорьевич, – успокоил Бобров.

– Для вас мой кабинет не маловат? – спросил возникший на пороге профессор, с изумлением оглядывая собрание родственников и друзей.

Надя бросилась к Ермакову, остановилась возле него, но сказать ничего не смогла.

– Ты кто? – Профессор оглядел с ног до головы бледную красавицу, но ответа не дождался.

– Это его жена Надя, – пришел на помощь Грыжин.

– Только, милочка, не падайте здесь в обморок, – строго предупредил Ермаков и, улыбувшись, добавил:

– Мне на сегодня вашего мужа вполне достаточно.

– Как он? – еле прошептала Надя.

– Будет жить. А при такой красавице жене, по-моему, будет жить очень даже неплохо, – ответил Наде Константин Филиппович.

И, поняв, что данных слов для нее недостаточно, прошел к своему креслу, резво освобожденному Севой, и устало уточнил:

– У вашего мужа сломано несколько ребер. Одно раздроблено. Маленький осколок ребра откололся. Его пришлось удалить. Именно это, а не пулевое ранение давало температуру. Простреленная нога тоже запущена. Но... капельницы, антибиотики... Интенсивная терапия... Через две недели заберете.

Реакция собравшихся ничем не отличалась от истошного вопля болельщиков после гола, забитого любимой командой.

– Вы с ума сошли! Тут же больница, – оборвал профессор, стукнув от возмущения тростью об пол. – Быстро по домам.

Грыжин взял чашку, сполоснул ее кипятком из чайника, затем извлек из кармана свою фляжку и вылил остаток жидкости.

– Профессор, это хороший армянский коньяк. Выпейте за здоровье Петра. А мы уж дома не один тост произнесем за ваше здоровье.

Ермаков усмехнулся, взял у генерала коньяк и медленными глотками опорожнил чашку. Надя подошла к профессору, схватила его руку и начала быстро ее целовать.

– Полноте, милая. Мужчинам руки не целуют, – смутился Ермаков. – И потом, мне кажется, что вам звонят.

Надя вытерла слезы и вынула из сумочки мобильный телефон. Звонил Глеб.

– Глебушка, родной, все в порядке! Петру ампутацию делать не будут.

– Ура! – закричал Глеб.

– Вы где? – спросила Надя.

– У меня потек радиатор. Нельзя покупать подержанных запчастей. Экономия к добру не приводит. Придется до завтра торчать в Вышнем Волочке, – ответил Глеб.

Надя услышала в трубке, как Михеев и Люба весело расхохотались.

3

Когда Петра Ерожина в Москве перевели из реанимации Первой градской больницы в общую палату и больной уже стал самостоятельно передвигаться, в другой лечебнице, в Петербурге, где серое питерское небо виднелось через стальные прутья решетки, по-прежнему лежал под капельницей Эдуард Михайлович Кадков.

Первые дни декабря выдались ветреные и морозные. В северной столице выпал снег. Дворик тюремной больницы побелел и под свежим снежным покровом не выглядел столь уныло, как еще несколько дней назад. Но Эдик двор видеть не мог. Он только вчера пришел в сознание. Понемногу вспомнив, как он оказался на больничной койке, Кадков скрипнул зубами и попробовал пошевелиться. Резкая боль в груди и спине не дала сдвинуться с места. Эдик застонал, обвел глазами свою палату и, заметив решетку на окне, грязно выругался.

В висках стучал навязчивый вопрос «почему?». Ведь он все рассчитал, все сделал грамотно. Эдуарда Михайловича Кадкова, судимого за убийство отца, на свете больше нет.

Если нашли труп Ходжаева с его ксивой, то должны были на Кадкове поставить крест.

А не найти труп, выброшенный посреди дороги, невозможно. Эдик был уверен, что убийство депутата Звягинцева и его матроны повесят на сына Ерожина. Зойка подтвердила, что парня дома нет. Мамаша, конечно, скрывала от посторонних арест сыночка, но Эдика не проведешь. «Гриша в отъезде и когда вернется, не известно», – ответила мамашка Зойке по телефону. Казалось, что все складывается как нельзя лучше, так где же он все-таки прокололся? В больницу его привезли с документами на имя Сергея Васильевича Дорохова. Он выложил за них штуку баксов. Но фальшивая ксива теперь не поможет. Последнее, что запомнил Эдик перед тем, как очнуться на больничной койке, было лицо следователя Ерожина. Если тот жив, то документы на имя Дорохова можно воткнуть себе в задницу. Мент Эдика узнал.

В палату вошел санитар. Кадков сквозь щелки прикрытых глаз пронаблюдая, как немолодой мужчина в белом халате с безучастным выражением усталого красноватого лица сменил капельницу и, почесав затылок, вышел.

«Алкаш, – отметил про себя Кадков и подумал:

– Пожалуй, через недельку оклемаюсь. А на воле куча бабок и классная девчонка. И еще папашкино наследство».

Кадков был уверен, что его заначку не нашли и никогда не найдут. Кейс Ерожина он запрятал лихо. «Только воли теперь не видать, – опять промелькнула невеселая мысль. – Где же я фраернулся?»

Эдик принялся вспоминать все по порядку с того дня, когда вышел на волю. А вышел он голодным. Чувство голода не оставляло долго.

Даже наполнив желудок, Кадков первые две недели все равно хотел есть. Он ел от случая к случаю, не чувствуя вкуса еды и не насыщаясь.

Две недели он добирался до родного города.

Денег не было. Кормился, воруя на базарах или выклянчивая еду у сердобольных старушек.

Однажды в станционном буфете он спрятался за ящики в подсобке, и когда решил, что буфет закрыли, вылез и накинулся на окаменевшие котлеты в витринном холодильнике. Но в буфете остались сторожа. Два дюжих мужика набросились на Эдика и били его. Били прутами по спине. Спина превратилась в кровавое месиво. Эдик потом долго зализывал раны.

Шрамы от побоев остались до сих пор.

В первый раз он наелся до отвала у Зойки.

Зойку Эдик ждал с утра. Последние сто километров до города он доехал в кузове грузовика, забравшись туда на бензоколонке, пока водитель заливал бак. Днем Эдик на улицах появляться опасался. Его вид не внушал доверия, а оказаться опять на нарах сын покойного начальника потребсоюза не желал. К тому же в городе его многие знали, и предстать перед старыми знакомыми в виде грязного бродяги Эдику не позволяла гордость. Он давно продумал план своих действий и в том, что скоро станет богатеньким, не сомневался. Квартиру Куропаткиной Кадков нашел без труда. На улице, где она жила, кроме названия, мало что изменилось.

Эдик забрался на чердак дома наискосок от Зойкиного и просидел там до сумерек. Скорлупу от яйца, съеденного им в тот день, и обнаружил через некоторое время Глеб Михеев...

В палату снова вошли. На этот раз, кроме санитара, над больным склонились два врача.

Эдик, стараясь казаться бесчувственным, из-под прикрытых век с настороженным любопытством разглядывал пришедших. Один врач – мужчина с желтоватым сухим лицом – отбросил простыни и начал шупать Эдику грудь.

Другой доктор – женщина – внимательно разглядывала приборы, фиксирующие показатели жизнедеятельности пациента.

– Да, он в сознании, – сказал желтолицый. Эдик зажмурился, стараясь не выдать себя. – Нечего умирающего разыгрывать.

Скоро будешь показания давать, – строго сообщил врач.

- Притворяется? – безразличным тоном поинтересовалась женщина.
- Разыгрывает жмурика, – подтвердил желтолицый и, обратившись к санитару, добавил:
- Дай ему баландочки, а капельницу убирай. Пусть завтра в общую палату перебирается.

Санаторные условия ему больше ни к чему.

Санитар снял капельницу и вышел вслед за докторами. Снова оставшись в одиночестве, Кадков открыл глаза и уставился в потолок...

Зойка пришла домой к вечеру. Тогда он и наелся впервые до отвала. Но сначала он утолил другой голод – мужской. Как он набросился на нее! Эдик теперь с отвращением вспоминал пышные формы своей подруги. Вот ведь кто мог его заложить! Хотя Зойки больше нет. Он закрыл ей рот навсегда. Вспомнив, как удачно ему удалось распорядиться зельем старого ветеринара, Кадков самодовольно улыбнулся. Старичок Галицкий и не подозревал, что его шведское лекарство годится не только для собак.

Первый опыт Эдику пришлось проделать над самим «Айболитом». Он позвонил в дверь ветеринара, когда в его кармане уже хрустели сторублевки и: доллары, а одет бывший зек был как «новый русский» в дорогие заграничные шмотки. Галицкий открыл дверь и первым делом посмотрел под ноги Эдика. Он искал глазами собачку и, не обнаружив ее, поднял удивленный взгляд на посетителя.

– Моего сенбернара переехала тачка. Надо усыпить. Собака при смерти, тащить его к вам тяжело, да и не захотел напрасно мучить, – сказал Эдик, вынув пятьдесят долларов.

– У меня прием, я не могу отлучаться, – посоветовал Галицкий, с сожалением поглядев на купюру.

– Не беспокойтесь, зарядите мне шприц, и я сам все сделаю, – предложил сердобольный хозяин сенбернара.

Галицкий задумался, еще раз взглянул на зелененькую банкноту и пригласил Эдика в кабинет. Там он открыл ящик стола и, взяв оттуда пузырек, ушел за шприцем. Когда Галицкий вернулся, Эдик внимательно рассмотрел бутылочку с ядом и удовлетворенно отметил, что в пузырьке еще осталось больше половины содержимого. Галицкий не успел произнести ни слова, как Эдик вырвал шприц из рук старенького ветеринара и всадил иголку тому чуть ниже локтя. Действие яда оказалось мгновенным. Галицкого тошнило, но он уже потерял сознание. Эдик аккуратно завернул баночку с отравой и шприц в носовой платок, спокойно взял пятидесятидолларовую банкноту и все это спрятал в карман. Когда он выходил из квартиры, ветеринар был мертв.

Зная особенности препарата, с Ходжаевым Кадков сработал уверенно. Он долго соображал, как притупить бдительность чеченца, и решил поставить на стол до прихода Руслана бутылку коньяка и две полные рюмки. Из одной рюмки все время пили то Зойка, то сам Эдик. У чеченца должно было создаться ощущение, что коньяк в рюмки все время наливают. На самом деле рюмка с ядом оставалась нетронутой. Но это все произошло позже, а в тот день, вернее в ту ночь, которую Эдик провел впервые под крышей Зойкиной квартиры, бывший зек наконец-то расстался с чувством голода. Он был сыт и спал с бабой...

За дверью палаты раздались голоса. Эдик расслышал, как один из говорящих радостно сказал другому:

– Давай, Игорек, двигай к Маньке под бочок. Небось не дождется, когда муж придет и засунет.

– Мне бы сперва пожрать, – ответил другой и тоже развеселился.

– А ты слопай зековскую баландочку и придешь домой готовеньким, – посоветовал первый.

«Охрана меняется», – сообразил Кадков.

Мысль добыть оружие, а потом подбросить пистолет как улику одному из виновников его заключения пришла Эдику еще на зоне. Он поначалу не думал убивать именно мента.

Решение созрело в кафе «Русич», когда старший лейтенант Крутиков подозрительно покосился в сторону его столика. Блюститель порядка ужинал с девушкой и находился в лирическом, с точки зрения Кадкова, расслаблении. Это и побудило Эдика начать охоту. Выйдя из кафе, он притулился за брошенным грузовиком, что ржавел во дворе. Затем отследил, как лейтенант проводил девушку и та зазвала его к себе.

Во дворе, кроме ржавого грузовика, стояло несколько сарайчиков, в которых жильцы держали разный хлам. Эдик, не спуская глаз с дверей дома, посшибал замки и сарайчики обследовал. В одном он обнаружил старый, но рабочий велосипед и кусок трубы. Кадков припрятал велосипед в кустах сирени и, прихватив трубу, вернулся в подъезд. Он долго ждал на лестнице, часто прикладывая ухо к дверному замку. По тишине в квартире Эдик без труда догадался, чем занимаются молодые люди. Он точно рассчитал, что после свидания старший лейтенант будет рассеян, и подобраться к нему незамеченным окажется совсем не трудно.

Счастливый Крутиков спустился со второго этажа словно с небес и, получив трубой по затылку, скончался на месте. Но Кадков решил не оставлять милиционера возле двери, а оттащить его в темный двор и там раздеть. Будучи большим выдумщиком, он задумал переодеться в форму лейтенанта и явиться к девушке убитого. Кадков не знал, что Назарова тоже работает в милиции. Он предположил, что подруга лейтенанта осталась в квартире одна и будет неплохо с ней позабавиться. Эдик спрятал тело Крутикова за мусорный бак и уже хотел приступить к реализации своего замысла, но тут появился пенсионер с ведром, и убийца не стал рисковать. Он вскочил на велосипед и помчался из города.»

Татьяна Назарова так и не узнает до конца жизни, что пенсионер Васильев своим ранним выносом помойки, возможно, спас ей жизнь.

Завладев пистолетом Крутикова, Эдик решил недельки две отсидеться у своей няньки в деревне. Он вовсе не рассчитывал застать там ее внучку Валю, о существовании которой не знал. До него доходили слухи, что сводная сестрица Вера в Питере без мужа прижила ребенка, но то, что ребенок этот уже взрослая девушка, Эдику в голову не приходило.

– Проснувшись по утру в избе Дарьи Ивановны, Кадков вспомнил ее слова о внучке и из любопытства решил слазить на сеновал. Но, увидев юную девушку, раздумавшуюся ото сна на свежем воздухе, озверел. Сорвав с Вали одеяла, он навалился на нее и стал целовать в пухлые губы. Валя не сразу испугалась. В полусне она просто отпихивала его, не понимая, в чем дело. Когда же девушка очнулась, она истошно закричала. На ее крик явилась нянька с вилами. От кулака своего воспитанника пожилая женщина отключилась, и Кадков снова набросился на Валю. Он разорвал на ней платье, содрал трусы и, жадно впившись в губы, овладел, не обращая внимания на крики и мольбы о помощи. После толстухи Куропаткиной с ее пышными, но от частого пользования подвядшими прелестями юное тело Вали показалось Кадкову верхом наслаждения. Поэтому, когда нянька днем спрятала Валю у мусульманина, он чуть не пристрелил ее от ярости. Потом, немного поостыв под дулом двустолки Халита, который взял внучку Никитиной под свою защиту, Эдик решил не поднимать лишнего шума и на другой день из деревни убрался. Но свежее тело девушки не забыл.

Вернувшись в Новгород и узнав от Зои, что в бывшей квартире папаши теперь проживает чета депутата Звягинцева, мститель стал тщательно готовиться к налету. Кадков понимал, что осторожный народный избранник кому угодно дверь не откроет. Поэтому он предварительно написал записку и подбросил в почтовый ящик. В записке он соврал, что привез из Москвы для депутата посылку от прежней владелицы квартиры Сони Кадковой.

Она сообщала, что возвращает новым жильцам то, что случайно забрала при переезде.

Жадноватый депутат на вранье клюнул. Ему стало любопытно посмотреть на содержимое таинственной посылки. Дверь открыла супруга Звягинцева и получила пулю. Вторая пуля досталась самому хозяину, вышедшему на шум в коридор.

Еще в зоне Эдик решил, что начнет вольную жизнь с посещения этой квартиры. За год до ареста он однажды застал отца, стоящего на четвереньках в гостиной. Тот что-то прятал в дырку, аккуратненько сделанную в полу.

Эдик тогда прикинулся, что не заметил растерянного раздражения родителя. Через месяц, празднуя рождение Михаила Алексеевича, Кадков-младший притворился пьяным, и его оставили ночевать в отцовском кабинете.

Ночью Эдик осторожно выскользнул из-под одеяла, прокрался в гостиную и тихонько простучал паркет в том месте, где видел отца в странной позе. Под тремя паркетинами обозначалась пустота. «Вот где папаша держит свои цапки!» – обрадовался догадливый, сынок, но вскрыть тогда тайник не решился.

И вот теперь, через десять лет, он уверенным шагом прошелся по гостиной, вычислил нужное место и, присев на корточки, принялся за дело. Через пятнадцать минут паркетины легли на свои места, а содержимое тайника переключалось в карманы наследника. Перешагнув через трупы хозяев, Эдик не спеша удалился, предварительно создав на кухне натюрморт из бутылки «спрайта» и хрустальных стаканов. Бутылку днем уперла Зойка из раздевалки боксеров стадиона «Вымпел», а стаканы Эдик добыл из хозяйского буфета. Покойный депутат и не догадывался, что, рискуя и добывая взятками крохи со столов толстосумов, топчет немалый капитал, вышагивая по полу собственной квартиры...

За дверью вновь слышались топот и голоса. Палаты обходил вечерний патруль. Охранник, сменивший в прихожей Игорька, отрапортовал, что на его посту происшествий пока не случилось. Кадков закрыл глаза и притворился спящим. Трое, в наброшенных поверх формы халатах, протопали к койке, внимательно осмотрели больного и отправились дальше. Охранник выключил свет.

Эдик в темноте попробовал повернуться на правый бок, но от боли стиснул зубы, выругался и остался лежать на спине...

– Зойка поначалу выполняла поручения Эдика нехотя и со страхом, но после того как всучила брошку своему хозяину и получила штуку баксов, забегала как козочка. За несколько дней она успела подложить пистолет в раздевалку боксеров, выдать звонок с доносом в ментовскую и заманить к себе Ходжаева. Правда, единственным поручением, которое Куропаткина выполнила с удовольствием до материального поощрения, стал звонок сынку Ерожина, Гришке.

– Что я должна ему говорить? – спросила Зоя.

– Опиши ему свои сиськи, жопу и ляжки.

Нарисуй, как он это все получит, и пригласи на свидание в «Интурист», – напутствовал Эдик.

Зоя выдала звонок и была в ударе. Хвалить свои прелести по телефону ей до этого не приходилось, но женщина справилась с заданием блестяще.

Кадков шаг за шагом раскручивал свой план. Адреса Соньки и Ерожина в Москве Эдик получил в справочной. О своей бывшей мачехе он все выведал у старушек на скамейке возле подъезда. Они и назвали ему артиста Шемягина. С Ерожиным оказалось сложнее. Возле его башни в Чертаново старушки не сидели.

Дело Кадкова вели несколько следователей, и потому, кто из них Ерожин, Эдик не помнил.

Пришлось подежурить возле квартиры. Но Эдик быстро понял, что мент осторожен, и следить за ним не безопасно. Сыщик успел отправить жену к родителям и жил один. Эдик дождался, когда тот уехал, и выломал дверь. Найти столько баксов в маленькой квартирке мента Кадков не ожидал.

Удача опьянила Эдика, и он вдохновенно выдумал, как разделаться с Соней. Своим замыслом Кадков весьма гордился. Еще в юности он часто подпаивал на отцовские деньги

местных артистов и публику эту изучил. Логично рассудив, что столичный киногерой не должен сильно отличаться от новгородских коллег, Эдик легко подловил Шемягина. Он подвез Егора на студию и имел достаточно времени, чтобы разделаться с Соней. Бывшая мачеха сразу открыла дверь. Она кого-то ждала.

Эдик с удовольствием отметил, что Соня постарела, сильно подурнела. Женщина узнала Эдика не сразу. Кадков вел себя изысканно. Он не кричал, не грозил Соне, а говорил с ней ласковым и вкрадчивым голосом, даже называл мамой. От этого голоса вдова папочки сделалась белая как мел и выложила Эдику все, что его интересовало. Под конец он попросил женщину показать, в какой позе нашли мертвого Михаила Алексеевича. Когда Соня улеглась на тахту, демонстрируя эту позу собственным телом, Эдик ее пристрелил. Работая в перчатках, Кадков был уверен, что и выстрел в Соню, и второй выстрел в голову артиста припишут Шемягину. Но он не учел одного маленького обстоятельства. Эдику не пришло в голову, что пистолет Ходжаева зарегистрирован. Если бы не это, самоубийство артиста выглядело бы абсолютно реальным.

Кадков спокойно разъезжал на белом «Мерседесе» Ходжаева и пользовался его документами. Он позволял себе и выпить за рулем, усвоив, что, имея баксы в кармане, инспекторов можно не бояться. Эдик разменял сто долларов на мелкие купюры и, когда его останавливали, совал ментам десятки без сожаления.

Ерожина Эдик убивать не хотел. «Пусть живет и знает, что его сынок отдыхает на нарах». Только тогда, когда он увидел подполковника возле квартиры отравленной Зойки, решился стрелять. Слишком близко к нему подобрался московский мент. После неудачного выстрела Эдик и удрал в Питер к Вале, но первым делом он отправился в деревню Кресты к няньке. Привез Никитиной корзину гостинцев, бил себя в грудь, объясняя, что он раскаивается в своем поступке. А Валу он полюбил и хочет жениться. Сказал, что даже сменил фамилию и имя, чтобы его не понукали прошлым.

Женщина не сразу, но поверила. На Дарью Ивановну сильное впечатление произвел новый имидж воспитанника, его шикарная одежда и запах дорогого одеколона. Да и белый «Мерседес» свое дело сделал. Эдик наплел, что пошел в бизнес и теперь много зарабатывает. Женившись на внучке Никитиной, он оплатит ее высшее образование и вообще создаст девушке райскую жизнь. Дарья Ивановна развесила уши и выдала адрес дочки и Вали. – Девушку Кадков ждал в «Мерседесе» возле школы с букетом роз. Валя вышла с рюкзаком за спиной в дешевеньком плащике и, простившись с подружками, зашагала домой.

Кадков немного проехал за ней, потом обогнал и остановился. Выскочив из машины, он схватил Валу за руку и впихнул на заднее сиденье. Валя не успела вскрикнуть, как оказалась вся в розах. Эдик заявил – если она его не выслушает, он пустит себе пулю в лоб. И достал пистолет. Валя открыла рот и затихла.

Эдик говорил долго. Клялся ей в любви, рассказал о том, что ему довелось пережить в тюрьме, куда он попал по навету. Уверял, что полюбил ее с первого взгляда – там, на чердаке, у няни.

– Я полночи сидел и смотрел на тебя, а потом не выдержал. Десять лет без женщины молодому мужчине прожить нелегко.

Заметив на глазах Вали слезы сострадания, Эдик попросил не покидать его сразу.

– Ты можешь сейчас уйти, но я останусь одиноким и несчастным, – проникновенно прошептал Кадков.

Валя не ушла. Кадков пересадил ее на переднее сиденье, и они поехали по магазинам.

Через два часа внучка Никитиной превратилась из бедной школьницы в топ-модель. Вечер они закончили в ресторане.

Эдик снимал квартиру на Невском. Из этой квартиры Валя позвонила домой и сказала, что вышла замуж и ночевать не придет. Первой ночью Эдик предстал перед ней не диким зверем, а нежным и ласковым любовником. Он почти час раздевал Валу, рассказывая ей о ее

красоте, целовал, потом повел к зеркалу. Девушка стеснялась, но для нее все было так ново, красиво и интересно, что к утру она влюбилась в Эдика по уши и даже стала робко отвечать на его страсть. На следующий день Эдик купил на Валино имя квартиру на Васильевском острове. Но ночевали они вновь у него на Невском. Девушка, потрясенная щедростью своего друга, уже не могла ему отказать ни в чем. А Эдик умело и быстро развращал свою юную племянницу. Днем Валя повидалась с мамой и, показав ей документы на квартиру, лишила ту возможности возмущаться поведением дочери.

Эдик жаловался, что его бизнес очень опасен и он, чтобы сохранить свою жизнь, должен скрываться от конкурентов. В городе, где бизнесменов убивают каждый день, такие байки выглядели вполне правдоподобно. Поэтому Вера дочке поверила и согласилась познакомиться с ее женихом, когда тот посчитает нужным. Казалось, Кадков предусмотрел все. Кому придет в голову искать его в Питере по адресу Вали Никитиной? Кадков не мог понять, как вычислил его московский мент. Но, став хладнокровным убийцей и преступником, Эдик все же сохранил привычки шалопая и соблазнился часами депутата Звягинцева. Имея страсть с юности к дорогим часам, он напялил себе на руку «Ориент» депутата. Жадность побудила Кадкова прихватить Зойкину шубу и подарить ее Вале. Да и направляясь к актрисе Проскуриной за брошкой чеченца, кроме желания насолить московскому следователю, Эдик руководствовался обыкновенной человеческой жадностью.

Но этого Кадков о себе осознать не мог. Он лежал в темной палате с решетками на окнах и пытался найти звено, которое оборвалось.

«Если они сумеют раскрутить все эпизоды, мне крышка, – вдруг понял убийца, – но я и им устрою сладкую жизнь. Теперь мне известно от Соньки все. Знаю, как она с ментом засадила меня за решетку. Я расскажу такие подробности, от которых им не отмазаться. Ни ей, ни менту, ни ее папашке-генералу. Жаль, что я не успел пощипать Сашку Кленову. Предок немало денежек в нее всастил».

Эдик улыбнулся в темноте, представив, как журналисты, падкие на скандалы, станут прыгать от радости, получив от него сенсационные подробности. Он увидел словно наяву цветастые заголовки газет со своими фотографиями.

Неясные тихие звуки прервали мстительные мысли Кадкова. Как открылась дверь, он не услышал, ощутил лишь движение воздуха от приблизившегося человека. Потом понял, что кто-то склонился к его лицу.

– Сейчас я тебя, гада, придушу. Но сначала ты расскажешь, куда дел вещи из тайничка отцовской гостиной и валюту Ходжаева. Где доллары из московской квартиры? – раздался зловеющий шепот.

Губы незнакомца приблизились, выдыхая слабый запах дорогого коньяка. Эдик онемел.

Леденящий ужас сковал все существо убийцы. Он не знал, что бывает так страшно. Внизу живота вдруг заныло и сделалось мокро. Ему хотелось все выложить, лишь бы исчез этот невидимый человек. Эдик силился открыть рот, но спазмы сжали горло, дышать стало нечем.

Страшный невидимка что-то еще шептал, но Эдик уже не слышал. Сердце Кадкова остановилось. Оно остановилось от страха.

Утром желтолицый тюремный врач констатировал смерть преступника. «Пожалуй, я рано распорядился снять капельницу», – подумал он и пошел мыть руки.

4

К большому сожалению любителей драматургии Казимира Щербатого, в новгородском театре пьесу о честной и невинной проститутке два месяца не показывали. Исполнительница заглавной роли уехала в Москву, и ввести на эту роль другую актрису быстро не удалось.

Все случилось довольно странно. Нателла Проскурина к зиме сильно изменилась. Определить с первого взгляда перемены в актрисе было трудно, но все, кто знал примадонну, отмечали, что она стала задумчива и малообщительна. На удивление подруг и знакомых, Нателла не подпускала к себе близко ни одного поклонника. Такое поведение хорошенькой незамужней актрисы вызывало пересуды в труппе.

Репетировать новую постановку молодого московского автора приехал режиссер из столицы Марк Захарович Тулевич. Перед тем как начать репетиции, Марк Захарович просмотрел весь репертуар театра. Его высокая фигура с копной седеющих волос понуро восседала в ложе, и понемногу артисты к присутствию режиссера в зале привыкли. Кроме москвича в театр зачастил начальник секретной службы банка Анвар Чакнава. Он тоже добросовестно отсиживал спектакли, на приходил только на те, где была занята Нателла Проскурина. Время от времени примадонне в гримерную присылали букеты белых роз, а иногда Нателла получала конверты, в которых обнаруживались по сотне долларов. К букетам и валюте прилагалась короткая записка: «От друзей Руслана».

Проскурина догадывалась, кто шлет цветы и деньги, но Анвар к ней в гримерную не заходил и встреч не искал. Однажды Нателла обратила внимание, что горец и режиссер из Москвы сидят вместе и о чем-то оживленно беседуют.

Наконец Марк Захарович объявил сбор труппы. В новой пьесе роли для Проскуриной не намечалось. Героиня – немолодая женщина Рита, по замыслу драматурга, всю жизнь то ссорилась, то мирилась со своим любовником Германом и на протяжении двух действий выясняла с ним свои отношения. Главным поводом для раздоров любовной пары был секс, и потому, кроме кровати, других декораций не требовалось. Как потом выяснилось, пьеса создавалась для одной из стареющих примадонн столичной сцены, но драматург опоздал со своим творением. Сключная примадонна затеяла скандал из-за очередной роли и от удара скончалась. Пьеса оказалась вакантной. Дирекция областного театра решила, что спектакль на двоих актеров может стать дешевым в постановке, но привлечет зрителя. Да и жена руководителя театра давно не имела возможности блеснуть перед публикой. Роль Риты по возрасту ей приходилась впору. Тулевичу за режиссуру сулили приличный гонорар.

В одиннадцать утра вся труппа и дирекция собрались в зале. Марк Захарович скромно занял одно из кресел партера вместе с артистами, дождался, когда директор театра объявит о нем, после чего поднялся на сцену и встал у микрофона. Стоял он долго, молчал, засунув руки в карманы, потом обвел присутствующих грустным взглядом карих навывкате глаз, и тихо произнес:

– Родные мои, простите меня. Вы все хорошие, профессиональные люди, и этот бред я с вами ставить не буду. Мне стыдно.

В зале поднялся шум. Некоторые из артистов хохотали, другие кричали что-то друг другу... Тулевич спустился со сцены и, проходя мимо Проскуриной, бросил на ходу:

– Хочешь играть в моем спектакле, приезжай в Москву. У меня есть для тебя роль.

Нателла встала и пошла за режиссером:

– Куда приезжать, что за роль?

Тулевич обернулся, всунул ей в руку две визитки и молча удалился. Больше ни его, ни Проскурину в театре не видели.

Покинув театр., прима донна побрела по городу. В общежитие ей возвращаться не хотелось. Она заглянула в бар «Интуриста», села за столик и достала из сумочки визитки, что вручил ей режиссер. На одной имелся московский адрес и телефон Тулевича, другая принадлежала Анвару Чакнава. На визитке Анвара она прочла лишь служебный телефон и адрес банка. Нателла, не притронувшись к кофе, который заказала, расплатилась и вышла на улицу. Банк располагался в центре города, и она его быстро нашла. Проскурина здесь уже была, но тогда ее привозили на машине, и она не поняла, где банк находится. Здоровенный кавказец в каму-

фляжной форме Нателлу остановил. Актриса спросила Анвара. Охранник позвонил по внутреннему телефону. Через минуту появился Чакнава. Анвар жестом пригласил примадонну войти и молча проследовал внутрь помещения. Нателла двинулась за ним по коридору и спустилась по лестнице. Чакнава открыл дверь своего кабинета и пропустил Проскурина. Актриса увидела знакомый стол, кресло и три стула. На столе лежала металлическая коробка с французскими сигарами и стояла пепельница с двумя окурками. Анвар выдвинул Нателле кресло, а сам сел на стул напротив.

Проскурина молчала, не зная, с чего начать.

Молчал и хозяин кабинета. Наконец актриса заговорила:

– Мне предложили уехать в Москву.

– Знаю, – ответил Анвар и потянулся за сигарой:

– Можно?

Нателла кивнула. Чакнава затянулся и, выпустив колечко дыма, посмотрел на Проскурина прекрасными карими глазами.

– Как мне поступить? – спросила Нателла.

– Ехать, – ответил Анвар и опустил руку в карман. Выложив на стол бумажник, он добыл из него пачку долларов, отсчитал пять сотенных купюр и протянул актрисе:

– На первое время.

– Зачем вы это делаете? – спросила Нателла, краснея.

– Хочу, – сказал Анвар и убрал в карман бумажник.

– Но я так не привыкла. Мне неудобно брать деньги. Может, и я могу что-нибудь для вас сделать?

Анвар встал, прошелся по кабинету и, остановившись за спиной Нателлы, тихо произнес:

– Пригласи на премьеру.

Проскурина поднялась, посмотрела в глаза Анвара и прочла в них такую боль и печаль, что ей стало не по себе.

– Если вы... Если я вам нравлюсь, возможно, и вы мне... – Она замолчала, стараясь справиться с волнением. – Возможно, и вы мне со временем понравились бы. Я просто очень мало вас знаю.

Анвар положил свои холеные руки с тонкими длинными пальцами на плечи актрисе:

– Ты еще встретишь своего мужчину. Я на этом свете гость. Со мной связываться нельзя. – После этого Чакнава развернул Нателлу лицом к двери и, тихонько подталкивая, вывел из банка.

Проскурина вернулась в общежитие, собрала вещи и вечерним поездом уехала в Москву.

Режиссер Тулевич принял ее так, будто они расстались пятнадцать минут назад.

– Вот тебе, роднуша, пьеса. Выпиши роль Маргариты и в шестнадцать ноль-ноль приходи на репетицию. Где ты устроилась?

В Москве у Проскуриной жила сестра. Она оставила вещи в ее крохотной квартирке и могла несколько дней там погостить. Но сестра жила с мужем и маленьким ребенком в двух малюсеньких комнатенках и принять родственницу надолго не имела возможности.

– Остановилась у сестры, но попробую снять что-нибудь недорого, – ответила Нателла.

– Аванс, родная моя, получишь завтра.

День проживешь? – спросил Тулевич.

Нателла кивнула, и режиссер принялся что-то объяснять наголо бритому толстому мужчине. Потом Нателла узнала, что этот мужчина – директор, администратор, бухгалтер, кассир.

Он – это все. И зовут его Яков Михайлович Бок.

Естественно, что в труппе букву «к» заменили на букву «г», и Якова Михайловича величали просто Богом. Яков Михайлович от предстоящей постановки восторга не испытывал. Он

пытался доказать режиссеру, что сатира на сильных мира сего к хорошему не приведет. Но Тулевич только посмеивался.

Открыв пьесу, Нателла с ужасом ждала, что придется разучивать длинные монологи, но, к ее удивлению, заглавная роль состояла почти из одной без конца повторяющейся фразы «Мы в восхищении!».

Закладывая в свою голову текст, актеры обычно не запоминают целиком реплики партнеров, а зазубривают лишь последнее слово из этих реплик и воспринимают его как сигнал для того, чтобы открыть рот. Поэтому Нателла старательно выписала себе в тетрадку эти конечные слова, а что происходит в пьесе, толком не поняла. В институте они «Мастера и Маргариту» читали, но содержание романа Проскурина слабо помнила.

Актриса сняла маленькую квартиру по объявлению за сто долларов в месяц и в шестнадцать часов явилась на репетицию. Репетировал Тулевич в помещении дворца культуры. Проскурина нашла режиссера на сцене, освещенной маленьким прожектором. Зал и все остальные пространства вокруг были погружены в непроницаемый мрак.

– Начнем с примерки твоего костюма. Кастровский пришел? – крикнул Тулевич в темноту.

Маленький худенький Кастровский, со спины смахивающий на двенадцатилетнего мальчугана, возник из черной тьмы с деревянным чемоданчиком в руках:

– Я здесь, Марк Захарович.

Тулевич оглядел малыша с высоты своего роста, перевел взгляд на Проскурину и сказал:

– Приступайте, родные мои. Время – деньги.

– Как вас зовут? – спросил Кастровский.

– Нателлой, – представилась актриса.

– А по отчеству? – поинтересовался художник.

– Владимировна, а зачем? – удивилась Нателла. В театре и престарелых актеров редко величали полным именем, а уж к молодым по имени-отчеству не обращались никогда.

– Очень приятно, Нателла Владимировна.

Раздевайтесь.

Проскурина непонимающе посмотрела на крошку Кастровского, затем на Тулевича. Режиссер сидел в кресле под прожектором и внимательно изучал текст, иногда что-то пометая фломастером.

– Как раздеваться? – растерянно переспросила актриса.

– Раздеваться – это значит снимать с себя одежду, – пояснил миниатюрный декоратор. – Не могу же я рисовать по вашему платью?

– Марк Захарович, тут нет гримерной? – обратилась Проскурина к режиссеру.

– Роднуша, гримерная имеется, но костюм вместе с художником мы будем создавать прямо на вас, и я хотел бы наблюдать этот процесс на сцене. Кастровский, родненький, покажите актрисе эскиз.

Кастровский снова растворился в темноте и через минуту явился с большим картоном в руках.

– Вот, пожалуйста, Нателла Владимировна, – сказал он и пристроил картон под свет прожектора. Нателла взглянула на эскиз и ничего не поняла. На картоне изображалась женщина вся в звездах и полосках. На груди были нарисованы два огромных глаза с темными ресницами, а живот закрывало изображение черного кота.

– Это трико? – спросила Проскурина.

– Никакого трико, роднуша. Все это Кастровский изобразит прямо на вас. Поэтому и надо раздеться, – ответил Тулевич и опять углубился в свои записи.

Нателла разделась. Кастровский открыл свой деревянный чемоданчик, и через час Проскурина стала копией эскиза на картоне.

– Взгляните, Марк Захарович, – попросил Кастровский режиссера, который все это время не отрывался от своих бумаг. Тулевич отложил листки, спрыгнул в зал и пропал в темноте. Через минуту послышался его, восторженный голос.

– Божественно. Как вы, родные мои, думаете?

Вместо ответа во мраке партера раздались аплодисменты. Проскурина вздрогнула. На сцену стали подниматься артисты. Все радостно пожимали Проскуриной руки и говорили комплименты.

– Итак... – потирая ладони, сказал Тулевич. – Все по местам! Начнем репетицию. Сцена первая, картина первая. – И, повернувшись в сторону темного зала, крикнул:

– Толечка, родной мой, музыку!

5

Из больницы Петра Григорьевича привез домой Глеб. Квартиру в Чертаново после разгрома, который учинил в ней Кадков, эстонская бригада не только восстановила, но довела до невероятного шика. Ерожин не мог узнать свое прежнее жилье. Стены, сантехника, светильники – все строители заменили на самое что ни на есть современное. Надя с удовольствием наблюдала за реакцией мужа, когда он, прихрамывая, оглядывал кухню, ванную и комнату. На месте старого телевизора стоял «Панасоник» с огромным экраном. Кроме того, в квартире появился музыкальный центр, – Где ты взяла на все это деньги? – изумился Петр Григорьевич, усевшись в кресло.

– Кроткий выдал твои проценты от прибыли, за время, что ты руководил фондом. И еще кое-что от этого у нас осталось, – ответила Надя, довольная впечатлением, которое произвели на Петра новая обстановка и ремонт.

– Ну, ну... – задумчиво произнес Ерожин, все еще не придя в себя от увиденного. – Надо бы лично поблагодарить Вольдемара.

– Лично не получится. Эстонцы уже работают в Киеве, – улыбнулась Надя.

– Как насчет новоселья? – спросил Глеб, застывший возле шефа.

– Не нависай, сядь. Больно ты велик для нашего дворца, – усмехнулся Ерожин.

Глеб осторожно пристроился на краешек другого кресла, а Надя забралась с ногами на диванчик.

– С новосельем я бы потянул. Дай оклематься, – ответил Глебу Петр Григорьевич.

Он хоть и чувствовал себя неплохо, но после больницы спешил наверстать упущенное время и скорее открыть бюро.

– Можешь познакомиться с корреспонденцией. А я пока пойду осваивать кухню. Там столько всего, что сразу не разберешься. – Надя отправилась хозяйничать, выдав мужу пачку писем и журналов. Через минуту из кухни послышался ее голос:

– Глеб, помоги разобраться с техникой.

Здесь такие агрегаты, которых я никогда не видела.

Глеб поднялся и двинулся на зов. Чтобы добраться до Нади, ему понадобилось сделать четыре шага. Петр проводил взглядом помощника и углубился в чтение. Журналы он отодвинул в сторону, а конверты проглядел и три из них отложил. Первым он распечатал письмо из Новгорода, где в графе обратного адреса значилась фамилия «Ерожин».

«Отец, спасибо за все. Хотел приехать в больницу, но папа Витя отговорил. Сказал, что нечего тебя волновать, пока не встанешь на ноги. В каникулы обязательно приеду. Сейчас учусь. Наверстываю упущенное. У меня все в порядке. Тебе привет от папы Вити, мамы и Тани Назаровой. Мы с ней встречаемся. Твой сын Гриша».

Петр Григорьевич отложил письмо и задумался. Дружба сына с младшим лейтенантом его озадачила. Но само послание обрадовало.

Мысль о том, что на свете живет взрослый мужик и этот мужик – его сын, тепло тронула сердце. Второе письмо тоже было из родного города, но по фирменному продолговатому конверту подполковник догадался, что послание деловое.

Писал ему банкир. Анчик благодарил за работу. Как и предполагал Ерожин, труп с изуродованным лицом и документами на имя Кадкова принадлежал Ходжаеву. Актриса Проскурина тело опознала. Таким образом, свое обещание найти Руслана сыщик выполнил.

Анчик желал Петру Григорьевичу здоровья и надеялся, что их сотрудничество продолжится. «Если вы сумеете отыскать и то, о чем мы говорили, половина ваша. Все остается в силе», – напоминал Анчик об их договоре.

Ерожин просмотрел письмо еще раз. Он прекрасно помнил беседу с банкиром в его кабинете. Рублевый гонорар, который он тогда получил, Петр Григорьевич считал отработанным. Судя по посланию, банкир был того же мнения.

О том, куда Кадков запрятал награбленное, Ерожин в больнице много думал. Там времени имелось предостаточно. Некоторые мысли у подполковника по этому поводу появились.

В питерской квартире Вали Никитиной на Среднем проспекте ничего не нашли. Девушка все Глебу рассказала. Он не мог посоветоваться с Ерожиным, тот лежал в больнице без памяти, и на свой страх и риск умолчал о шубе, которую преподнес Вале Кадков. И научил, что говорить на допросе. О том, что лисья шуба принадлежала убитой Зойке, кроме Глеба, не мог знать никто. Девушку по делу не привлекли. Когда Глеб шефу об этом рассказал, Ерожин пожал помощнику руку.

Третье письмо пришло из Самары. Ерожин распечатал конверт. Под двумя листками в линейку, исписанными мелким женским почерком, стояла подпись Шуры. Письмо начиналось странно. «Петр, не хотела тебе писать, да в себе держать этого больше не могу. Ты человек взрослый, разумный, надеюсь, поймешь глупую бабу с ее дурацкими страхами. Дело касается твоей жены и моего мужа. Только умоляю, пусть о моем письме никто не узнает».

– Прошу к столу, товарищ подполковник, – позвала Надя.

Петр поднялся, спрятал письмо в карман и, прихрамывая, двинулся на кухню. Плита, кухонный столик светлого дерева, посуда – все было новое и незнакомое. Высокий холодильник с огромной морозильной камерой, хоть и стоял на прежнем месте, но тоже был новый.

Ерожин плюхнулся на стул и задумчиво уставился в свою тарелку. Письмо Шуры своим странным началом его зацепило.

– Ты что такой задумчивый? У нас первая трапеза в новой кухне, а ты уснул, – спросила Надя, заметив чрезмерную рассеянность мужа.

За завтраком разговор не клеился. Глеб решил, что шеф еще слабоват и ему не до разговоров. Михеев допил свой кофе, смолотил пять бутербродов и стал прощаться.

– Вашу машину оставляю у подъезда.

И если я вам сегодня больше не нужен, поеду, повожусь с родным жигуленком, – сказал он; выкладывая на стол ключи от «Сааба».

– Валяй. Но завтра в восемь повезешь меня на Чистые пруды. Пора работать, – распорядился Петр Григорьевич, продолжая думать о чем-то своем.

– Ты зачем на котлету сахар высыпал? – Надя с удивлением наблюдала, как супруг взял ложечку из солонки, залез ею в сахарницу и высыпал содержимое на котлету.

– Разве сахар? – отсутствующим тоном поинтересовался муж и положил котлету в рот.

– Знаешь, милый, иди лучше в постель.

По-моему, перемены в доме слишком перегрузили твою головку, – с беспокойством заметила жена и побежала стелить постель. Петр Григорьевич дождался котлету и послушно поплелся в комнату. Широкая лежанка пахла заводским лаком. Ерожин снял брюки и залез под одеяло.

– Поспи, милый. Для первого раза ты и так слишком много сегодня ходишь. Константин Филиппович назначил тебе неделю щадящего режима, – напомнила Надя и задвинула шторы. – Господи! Какое счастье, что ты уже дома...

Петр закрыл глаза и притворился спящим.

Ему очень хотелось прочитать письмо Шуры, но делать это при Наде Ерожин воздерживался. Лежать с закрытыми глазами ему скоро надоело. Петр Григорьевич приподнялся, попытался зажечь лампу возле тахты, но не мог найти выключатель. Лампа, как и все в доме, была новая.

– Надя, где она зажигается? – крикнул Ерожин в сторону кухни, поскольку супруга колдовала там с посудомоечной машиной.

– Ах ты мой бестолковый калека! – рассмеялась она и нажала выключатель над головой Петра.

Ерожин попросил журналы и принялся их листать.

– Тебе лучше бы поспать, – посоветовала Надя и удалилась.

Ерожин послушал, как она гремит на кухне тарелками, быстро вылез из-под одеяла и босиком, стараясь не шуметь, подобрался к брюкам. Выхватив из кармана конверт, вприпрыжку, морщась от боли в ноге, вернулся на тахту и запрятал письмо под подушку. Пролодав эту операцию, Петр Григорьевич лег на спину и уткнулся в журнал. Надя закончила с посудой, уселась в кресло и принялась перебирать нетронутую Ерожиным часть корреспонденции.

– Ты видел? Нас в театр приглашают, – сказала она, достав из конверта жесткий приглашенный билет. Вместе с билетом лежала маленькая записочка. Надя развернула ее и громко прочла приглашение. – Как тебе это нравится?

– Повтори, пожалуйста, я не расслышал, – попросил подполковник.

– Слишком ты стал рассеянным В больнице я этого не замечала, – медленно проговорила Надя, с удивлением поглядывая на Петра.

– Прости, зачитался, – соврал Ерожин.

– Записочка и приглашение от дамы, – многозначительно сообщила Надя.

– От какой еще дамы? – не понял супруг.

– От той, которую ты обворовал и изнасиловал. От актрисы Нателлы Проскуриной.

В театр на премьеру приглашает.

– В Новгород? – усмехнулся Ерожин. – Больно далеко.

– Во-первых, премьера у нее сегодня. Во-вторых, не в Новгороде, а в Москве. В Театре современной пьесы. Слушай. Читаю:

«Уважаемый Петр Григорьевич! Мне было очень неловко, что я вам принесла столько неприятностей. Из областного театра я ушла.

Рискнула поступить в антрепризу. Один хороший человек принял участие в моей судьбе.

Очень была бы рада видеть вас с супругой на премьере. Не думайте, пьеса серьезная, и я очень волнуюсь. Нателла Проскурина».

Надя отложила записку.

– Что скажешь?

– О чем говорить, раз мы все равно опоздали. А что за спектакль?

Жена развернула приглашенный билет.

– «Бал Сатаны» по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Инсценировка и режиссура Марка Тулевича.

– Опять Нателла голая на сцене торчать будет, – усмехнулся Ерожин.

– Почему голая? – не поняла Надя.

– Потому что на балу Сатаны Маргарита сидит голая. Я этот спектакль сто лет назад на Таганке видел, – ответил Ерожин и вспомнил, что в Театр на Таганке его затащила Соня Кадкова.

– А может, она вовсе и не Маргариту играет? – предположила Надя.
– Мастера или Сатану изобразит? – съязвил Петр.
– Наверное, ты как всегда прав. Тем более жалко. Ты же любишь красивых женщин, – улыбнулась Надя.

– Пойдем в другой день. Сегодня мне не до театра.

Супруга снова углубилась в прессу. Петр Григорьевич внимательно посмотрел на жену, минуту подумал и неожиданно попросил:

– Сходи в магазин, если не устала. Купи водки. Надо же нам ремонт обмыть.
– Тебе сейчас пить вредно, – не очень решительно возразила она.
– Немного можно, – настаивал Петр Григорьевич.

Надя поднялась с кресла и подошла к шкафу. Ерожин нетерпеливо наблюдал, как жена одевается. Как только за Надей закрылась дверь, он выхватил из-под подушки конверт, достал письмо Шуры и, усевшись под лампу, принялся читать. Дочитав до конца, задумался и перечитал снова. Закончив чтение, подполковник встал и, слегка прихрамывая, пошел с письмом по квартире. Обойдя комнату, заглянул на кухню, постоял, размышляя, подвинул стул, забрался на него, открыл дверцу антресолей, где некогда лежал кейс с долларами Вахида, засунул туда письмо, поставил стул на место и вернулся на тахту.

Когда Надя объявилась с пакетом напитков и провизии, Ерожин, лежа на спине, продолжал изучать иллюстрированный журнал.

– Ты поднимешься и сядешь в кресло или прикажешь подать тебе ужин в постель? – спросила она, снимая пальто в прихожей.

– Я поднимусь и сяду в кресло, – мрачно ответил Петр Григорьевич.
– Тогда поднимайся, – попросила Надя и исчезла на кухне.

Подполковник покинул тахту и, прихрамывая, направился к шкафу. Его махровый халат после «кадковского» погрома чудом уцелел, и Ерожин с удовольствием в него облачился.

Сидя в кресле, он молча наблюдал, как Надя сервирует низкий журнальный стол со столешницей из дымчатого стекла, как ставит на него фужеры и рюмки, раскладывает на тарелочки фрукты и закуски.

– Хочешь, я переоденусь к ужину? – кокетливо спросила молодая женщина, покончив с приготовлениями.

– Переоденься, – без всяких эмоций согласился Ерожин.

Надя открыла шкаф, достала платье и ушла с ним в ванную. Пока она там занималась собой, Петр Григорьевич, глядя в одну точку, неподвижно застыл в кресле. Надя вышла. Она чуточку подвела глаза, и от этого они стали еще темнее. За время болезни Петра жена побледнела и немного осунулась, но сейчас, при помощи косметики, цвет лица восстановила.

Молодая женщина в этот момент и впрямь была удивительно хороша. Но реакции мужа Надя не дождалась. Он смотрел мимо.

– Что с тобой, Петя? Тебе нехорошо? – спросила она и опустилась в кресло.

– Нет, все нормально, – ответил Ерожин и взялся открывать водку.

– Что случилось? Почему ты такой злой и чужой? – прошептала Надя.

– Тебе показалось, дорогая. – Петр разлил водку в две рюмки и поднял свою:

– За все хорошее.

Он выпил залпом.

– Петя, я же водку не пью. Вот вино. Но я не умею откупоривать бутылки. – Голос женщины звучал обиженно и растерянно. Таким своего мужа Надя наблюдать не привыкла.

Ерожин взял вино и ввинтил в пробку штопор.

– Прости, я не сообразил, – сказал он и как бы между делом спросил:

– Ты давно видела Алексея Росточкого?

– Десять дней назад. А почему ты этим интересуешься? – в свою очередь спросила Надя и покраснела. Ерожин сделал вид, что смущения жены не заметил:

– Просто так. Он был в Москве?

– Да, он был в Москве и заходил сюда. – Надя не понимала, чего хочет муж, и потому терялась.

– В эту квартиру? – Ерожин снова наполнил свою рюмку и залпом выпил.

– Конечно. Он проверил, как идет ремонт, и связал Вольдемара с киевскими заказчиками, – ответила жена, с тревогой наблюдая, как Петр Григорьевич опять наливает себе водку.

– Ладно, давай выпьем, – предложил Петр и снова поспешил разделаться со своей рюмкой.

– Тебе нельзя столько пить после больницы. – Надю все больше удивляло его поведение.

– Мне ничего нельзя, а другим все можно, – не слишком трезвым голосом возразил Ерожин.

– Петя, я начинаю тебя бояться. В чем дело? – На глазах Нади выступили слезы.

– Меня бояться? Это что-то новое, – усмехнулся супруг. Водки в бутылке не осталось, он попробовал налить себе вина, но не попал в фужер:

– И что вы делали с Ростоцким?

Алексей принял ремонт и ушел?

– Нет. Он пригласил меня пообедать, и мы сходили в «Прагу».

– И все?

– И все. Петя, ты же напился. Ты ослаб после больницы, тебе будет плохо.

– Может, мне и так плохо. А почему мне должно быть хорошо? – вопрошал Петр Григорьевич пьяным голосом.

– Петя, если бы не твоя болезнь, я бы сейчас же уехала на Фрунзенскую. Я не хочу тебя видеть в таком состоянии. Мне больно, – сказала Надя и, заплакав, убежала в ванную. Когда она вышла бледная и без косметики, Петр Григорьевич сидел в кресле, откинув голову и прикрыв глаза.

– Если ты меня разлюбила, почему честно и прямо не сказать об этом? – Голос его звучал абсолютно трезво, и Надя опешила.

Только что ее муж был совершенно пьян и приставал с глупостями, а через пять минут перед ней сидел совсем другой человек.

А Ерожин, пока она в ванной боролась с обидой, вышел в кухню, подставил свой бобрик под струю холодной воды и через минуту протрезвел.

– Ты с ума сошел? С чего ты взял, что я тебя разлюбила? – искренне изумилась Надя.

– Нельзя любить двух мужчин сразу. Во всяком случае, я раньше так думал, – ответил Петр и внимательно посмотрел в глаза жены.

– Кого же я, по-твоему, еще люблю? – Надя начала догадываться, но поверить не могла.

– Алексея Ростоцкого, кого же еще? – устало ответил Ерожин:

– Я сам не святой, и много разного в жизни было. Поверь, я пойму и отпущу тебя. Я никогда не выпрашивал любви. Любовь не подают как милостыню.

– Ты с ума сошел. С Алексеем мы очень подружились. При чем тут любовь?! Да и он любит свою Шуру. Если ты ревнуешь, я могу с ним больше никогда не встречаться, но это же глупо.

– Пожалуй, глупо, если так, – согласился Петр.

– Какой же ты дурачок. Такой взрослый и такой ребенок. – Надя подошла к мужу, уселась ему на колени и разревелась. Петр Григорьевич прижал Надю к себе и начал целовать:

– Как же я давно тебя не видел, – прошептал он и снял с Нади платье.

– Глупенький, тебе же пока нельзя, – ответила она еле слышно.

– Почему нельзя? Я еще не умер, – так же тихо заверил Ерожин, поднял жену и, прихрамывая, понес на тахту.

– Выключи свет. Мне стыдно, – попросила Надя.

– Что стыдно? – не понял супруг, целуя ей грудь и шею.

– Стыдно, что я такая зареванная и некрасивая.

Петр не дал Наде договорить, он взял ее за плечи и поцеловал в соленый от слез, заплаканный рот. Надя обвила своими руками его белобрысую голову и задохнулась от счастья.

Слова им больше были не нужны.

6

Небольшой зал Театра современной пьесы не мог вместить всех желающих. Для бластных поставили ряд стульев впритык к сцене. Зрители сидели в проходах, подложив под себя сумки и портфели. Некоторые кавалеры держали подруг на коленях. Слабая вентиляция не могла справиться с духотой. Спектакль шел второй час, но в партере сохранялась напряженная тишина. На затемненной сцене царила Нателла Проскурина. Ерожин не ошибся, что примадонна предстанет перед столичной публикой нагишом. Но он не догадался, что при этом костюм на ней будет, только он окажется нарисованным.

От Булгакова Марк Захарович Тулевич оставил не много. Пожалуй, лишь имя героини и ее реплику «Мы в восхищении!». В негодях, явившихся на бал Сатаны, публика без труда угадывала типы сегодняшней России. Олигархи хвалились Маргарите, как разворачивали и грабили страну, как убивали друг друга ради наживы. На что она и отвечала гостям фразой булгаковской Маргариты.

В финале дали полный свет и в зале и на сцене, но потрясенная публика продолжала молча взирать на артистов. Наконец кто-то нерешительно хлопнул. И тут началось невообразимое. Народ кричал «Браво!», подпрыгивал, аплодировал, свистел.

Бледная, вымотавшаяся от роли, но счастливая Нателла вглядывалась в ряды партера и пыталась отыскать глазами одного зрителя.

Его она заметила, как только первый раз вышла на сцену. Анвар достал билет во второй ряд. Он занял то самое место.» с которого любил лицезреть свою богиню ее погибший поклонник Руслан Ходжаев. А сейчас публика бесилась и загораживала горца. Наконец Проскурина увидела Анвара. Он застыл и смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Рядом неистово кричали и прыгали, а он сидел неподвижно, как будто спектакль не закончился.

Потом Нателле понесли цветы и Анвара опять от нее заслонили. Публика требовала постановщика. Марк Захарович поднялся на сцену и, жмурясь под прожекторами, поправил рукой седеющую гриву и поклонился. Потом он подошел к Проскуриной, поднял ее и поцеловал. В зале снова начались крики. Артистов не отпускали. Они уже устали раскланиваться и собирать со сцены цветы. На Проскуруину накинута халат. Из-под него странно выглядывали два огромных глаза, нарисованные на ее грудках. Наконец занавес опустился, в зале погасили свет, и публика понемногу потянулась к выходу.

Нателла сидела в гримерной. Ее туалетный столик был завален цветами, а возле ног стоял тазик с теплой водой. Костюмерша Зина старательно смывала с примадонны ее театральный костюм.

– Не холодно, детка? – спрашивала Зина.

– Ничего. Я привычная, – ответила примадонна.

– Теперь ты станешь знаменитой, – пообещала костюмерша. – Потерпи, я сейчас.

– Терплю. Только, если можно, побыстрей, – попросила Нателла.

Тулевич после спектакля пригласил артистов на банкет, но Проскурина не боялась на него опоздать. Она боялась, что Анвар не дожидется ее и уедет. Теперь она знала, что горец дал

деньги Марку Захаровичу на постановку, но с условием, что именно Проскурина получит главную роль. Покончив с гримом, Зина растерла Нателлу полотенцем, и та быстро оделась. Артисты уже собрались в буфете, и оттуда слышался смех и восклицания. Нателла сразу не пошла к коллегам. Ей почему-то казалось, что горец остался в зале и ждет ее там. Актриса вышла из-за кулис, раздвинула занавес и посмотрела в партер. На кресле второго ряда действительно сидел Анвар Чакнава. Он сидел в той же позе, в которой Нателла видела его со сцены. Проскурина спустилась по ступенькам и медленно пошла между кресел.

– Анвар, это я, Нателла. Вставай, выпьем по бокалу с нашей труппой, – сказала она.

Но Анвар молчал. Нателла приблизилась, заглянула в широко раскрытые глаза горца и закричала. Закричала так, что самой показалось, будто ее перепонки сейчас лопнут. На крик прибежал пожарник Федя. За ним в зале стали появляться другие работники театра.

У Проскуриной началась истерика. Она упала на свободное кресло. Руки и ноги актрисы тряслись и дергались. Она не могла остановить их и заставить слушаться. Рядом сидел красавец Анвар и широко открытыми, мертвыми глазами смотрел на сцену.

7

Иван Григорьевич Грыжин поднялся затемно.

– Время – семь. Куда ты в такую рань? – проворчала Галина Игнатьевна и отвернулась к стенке.

– Надо, мать. Надо, – ответил генерал, надел халат и отправился в душ. Намывал он себя дольше и тщательнее, чем обычно. Долго брился, широко расставив кривоватые ноги.

Закончив, оросил щеки и шею из аэрозольного пузыря французской туалетной водой. Покончив с бритьем, внимательно оглядел себя в зеркале и вразвалочку двинул на кухню. Варя давно проснулась. Домработница по деревенской привычке и в городе вставала ни свет ни заря. Увидев хозяина, спросила, не отрываясь от чистки картошки:

– Не спится, старый хрыч? Пришел мешаться?

– Не лайся, Варька. Дай кофейку, – добродушно пробасил Грыжин и уселся за стол.

Варя с притворной сердитостью полезла в холодильник, достала пакет молока, вылила его в кофейник и поставила на огонь. За много лет она изучила привычки Ивана Григорьевича и знала по его настроению, чем баловать хозяина. Сегодня ему понравится кофе «по-варшавски». Домработница давно выучилась варить кофе на молоке. Напиток был не сложен в приготовлении, но требовал внимания. За кофейником приходилось непрерывно следить, чтобы не прозевать момент закипания.

– Куда надушился? – уже более миролюбивым тоном поинтересовалась Варя, наливая кофе в любимую кружку генерала.

– Сегодня начальника жду. Надо все в офисе приготовить. Петро после ремонта своего сыскного бюро не видал. Вот уж рот-то разинет, – ответил Грыжин, прихлебнув из кружки.

– Чего подать? Сыра, ветчины? Творог хороший вчера из «углового» принесла, – спросила Варя, стоя возле холодильника.

– Садись со мной, Варюха. Одному кусок в горло не лезет. А чего подать, сама решай, – сказал Грыжин.

Варя достала и сыра, и ветчины, и творога, после чего присела на краешек стула и налила себе чаю.

– Кофейком моим брезгуешь? – усмехнулся генерал, покосившись на чашку прислуги.

– Никак я к вашим кофейам не привыкну.

Горек он для меня, – призналась Варя. – Выходит, ты, Григорич, теперь в подчинении?

– Выходит так, Варька. У нас ведь работа будет сдельная. Найдем – заработаем. Не найдем – нет. У Петрухи нюх. А я так, в помощниках. Может, тоже пригожусь. Зря хлеб есть не буду, – пояснил Грыжин.

– Сутками, как давеча, начнешь пропадать? Не мальчик ты уже для таких гулянок. – Варя вымыла свою чашку, поставила ее в сушилку и, вздохнув, уселась к недочищенной картошке.

– Ты, старая, поменьше языком мели. Наказал, чтобы помалкивала. Нигде я сутками не пропадал, – насупился Грыжин.

– Я только тебе сказала. Что же я, глупая, с чужими о твоих делах трепаться? – оправдывалась домработница.

– Ладно, проехали. – Грыжин допил кофе и вышел в коридор. Возле шкафа он задумался, не надеть ли для первого дня генеральскую форму, но махнул рукой и достал штатский костюм.

Снежок, выпавший под утро, жилыцы затоптать еще не успели. Иван Григорьевич постоял возле подъезда, вдохнул свежий утренний морозец и огляделся. Сосед из нижней квартиры пытал стартером свою «Волгу». Машина за ночь остыла и не желала заводиться.

– Ты ее, Андреич, примусом под картером погрей, как в войну полуторки оттаивали, – посоветовал Грыжин и, засунув руки в глубокие карманы своего полушубка, решительно зашагал со двора.

Небо над Москвой только начало светлеть, и фонари еще горели. Иван Григорьевич топтал по Казарменному переулку и повернул к Чистым прудам. Бульварное кольцо, несмотря на раннее время, превратилось в сплошную пробку. Грыжин порадовался, что добыл помещение у себя под боком и может за пять минут пешком добраться до офиса.

«Петруха на машине минут за сорок тоже подтянется, не помрет. Молод еще. А для офиса нужен центр. Кто в Чертаново потащится?» – мысленно оправдывал себя генерал. За размышлениями он не заметил, как дошагал до дубовой двери с медной ручкой. Небольшая солидная вывеска золотыми буквами сообщала, что здесь находится «Частное сыскное бюро подполковника милиции Петра Ерожина».

Замок открывался кодовой карточкой. Таких карточек Иван Григорьевич заказал семь – себе, Ерожину, Глебу и Наде. Остальные припрятал на всякий случай, про запас.

Для посетителей имелся мегафон с кнопкой.

Генерал рассудил, что охрану нанимать дорого. Надо обходиться техническими средствами. Желание супруги подполковника работать с мужем Иван Григорьевич одобрял. Пока Петр лечился в больнице, генерал с молодой женщиной успел подружиться и сделать вывод, что мадам Ерожина не только красива, но и сообразительна.

Войдя в офис, Иван Григорьевич отключил сигнализацию и хотел снять дубленку, но зазвонил телефон. Генерал взглянул на часы.

Стрелки показывали без десяти восемь. Грыжин побежал к телефону.

– Это офис Ерожина? – спросили в трубке.

– Так точно. А кто нужен? – поинтересовался генерал, стягивая с себя полушубок.

– Это вы, Иван Григорьевич? Бобров беспокоит. – Генерал узнал голос полковника с Петровки.

– Тебе тоже не спится, Никита Васильевич? – Грыжин уселся в директорское кресло и обтер лоб платком. В офисе было тепло.

– Где Ерожин? Звоню домой, никто не подходит. – Никита Васильевич Бобров был раздосадован.

– Петро вчера привезли из больницы, а сегодня он уже сюда на работу хотел приехать.

Жду к девяти. А ты на мобиль пробовал?

– И мобиль молчит.

– Я его сейчас найду. А в чем дело, Никита Васильевич? Что всполошился так рано? – спросил Грыжин и достал из кармана записную книжку.

– Убийство у меня. Горца из Новгорода вчера в театре зарезали. Подполковник его знает. Тут знакомая убитого, актриса – в истерике всю ночь билась. Требуется следователя Ерожина. Мы сейчас приедем, а вы, Иван Григорьевич, уж разыщите Петра.

Грыжин положил трубку и углубился в записную книжку. Отыскав номер, генерал позвонил на Фрунзенскую. Подошла Марфа Ильинична:

– Нет Глеба. С полчаса назад к другому зятю покатил. Ищи его, генерал, у Петра.

Грыжин набрал номер мобильного телефона Михеева.

Глеб откликнулся сразу. Но ничего хорошего Грыжин от него не услышал.

– Договорились, что я к восьми буду в Чертаново. Вот я тут. Сейчас звоню в квартиру.

Никто не открывает. Телефон молчит, – пожаловался Глеб.

– Что хочешь, то и делай, а вези его сюда, – разозлился Иван Григорьевич.

– Постараюсь, товарищ генерал, – неуверенно пообещал Глеб.

Грыжин положил трубку, встал с директорского кресла, снял наконец-то полущубок и повесил его на вешалку в стенной шкаф. Не успел генерал хозяйским оком окинуть офис, как опять зазвонили. Иван Григорьевич бросился к телефону.

– Товарищ генерал, Петр Григорьевич нашелся, – доложил Глеб.

– Где же, позвольте поинтересоваться?

– В квартире нашелся, товарищ генерал. – Голос молодого человека звучал смущенно.

– Чем мотивировал, что не открывал дверь? – раздраженно спросил Грыжин.

– Ничем не мотивировал, товарищ генерал. Они с Надей улыбаются и молчат.

– Давай сюда Петра. Я ему сейчас поулыбаюсь! – грозно потребовал Грыжин.

Петр взял трубку.

– Что случилось? Почему владельцу частного сыскного бюро спать не дают? – обиженно задал вопрос Ерожин.

– Время – восемь. Мы на девять с тобой договорились о встрече. Хватит дрыхнуть, – возмущался Грыжин.

– Мы с Надюхой полночи отношения выясняли. Я еле глаза продрал, – оправдывался подполковник.

– Нашли время. Если бы ты был здоров, а не после больницы, выпорол бы, не моргнув глазом. Честное слово! Я уж и не знал, что думать, – проворчал генерал. – Дуй сюда быстро. Сейчас в офисе будет Никита Бобров. Вчера в театре убили новгородского парня. С Бобровым едет актриса Проскурина. Она тебя хочет видеть.

– Выезжаю. – Голос Ерожина сразу зазвучал по-военному жестко.

Не успел Иван Григорьевич закончить телефонные переговоры, как мегафон донес голос полковника с Петровки. Генерал открыл дверь. Никита Васильевич ввел в офис молодую женщину. Генерал раньше не знал актрису Нателлу Проскурину, поэтому, увидев бледное заплаканное существо с побелевшими губами, он не мог представить себе, как она на самом деле выглядит. Но то, что женщина находится в тяжелом шоке, Иван Григорьевич понял. Он принял Нателлу из рук Боброва, снял с нее шубку из синтетической чернобурки и усадил в директорское кресло.

– Ерожин здесь? – всхлипывая, спросила Нателла.

– Сейчас приедет, – ответил Грыжин.

– У вас тут совсем неплохо», – оглядевшись, заметил полковник Бобров. – Может быть, ей водички...

– Я знаю, что ей надо, – подмигнул Грыжин и полез в свой необъятный карман. Достав из него плоскую фляжку, он взял с подноса тонкий стакан, предназначенный для минеральной воды, и налил в него на четверть своего любимого коньяка. – Выпей, дочка.

– Что это? – тихо спросила Нателла.

– Лекарство, – ответил Грыжин и бесцеремонно влил в Проскурину содержимое стакана. Нателла закашлялась, но через минуту щеки ее немного порозовели и губы проявили естественный цвет.

– Он был не такой, как все, – вдруг сказала женщина и разрыдалась.

– Хоть плачет, как нормальная баба, а то дергалась и тряслась, – вздохнув, сообщил Никита Васильевич.

– Когда это случилось? – спросил генерал.

– Вчера на премьере. Говорят, спектакль имел успех. Народу в зал набилась тьма Публики было чуть ли не в два раза больше, чем кресел. Во время действия этой произошло, – пояснил Бобров.

– А как она попала к тебе? – Грыжин представлял себе следственные действия ребят с Петровки Они редко возятся с родственниками и друзьями потерпевших. Возможности такой нет, да и к чужому горю привычка вырабатывается.

– Мне позвонили домой и сообщили об убийстве в театре. Я решил, что дело чрезвычайное и скандальное. Надо заниматься им самому. Прислали машину. Приехал, а она талдычит про Ерожина. Я понял, что эта девушка – знакомая Петра. Зная о его болезни, я беспокоить ночью никого не стал, да и не был уверен, что он уже дома. Вот и таскаю за собой свидетеля со вчерашней ночи. Спала у меня.

Одну ведь ее не оставишь. Моя Кира до утра пыталась ее успокоить. Но не смогла, – поведал полковник.

– Пусть выплачется. Кто он ей? Жених?

Муж? – Грыжин старался спрашивать тихо, но Нателла слышала.

– Он мой ангел! Вот кто он! – , крикнула актриса и еще горше зарыдала.

Петр Григорьевич Проскурину видел один раз в лесу. Там же лицезрела Нателлу Надя.

И только Михеев видел актрису на сцене. Но ни чета Ерожиных, ни Глеб в бледной рыдающей женщине не нашли никого сходства с хорошенькой примадонной. Горе сильно меняет людей.

Она подняла голову, утерла слезы платком и оглядела вошедших. Взгляд актрисы остановился на подполковнике. Ерожин, опираясь на трость, подошел к Проскуриной и виновато улыбнулся:

– Нателла, мы с женой вчера получили приглашение на вашу премьеру. Но я только выписался из больницы и не решился идти в театр. Сейчас я пять минут побеседую с полковником Бобровым, а потом мы с вами все обсудим.

Нателла согласно кивнула.

– Где мы могли бы поговорить? – спросил Ерожин, нетерпеливо оглядывая офис.

– Ты тут хозяин, тебе лучше знать, – ответил Грыжин.

Присутствующие переглянулись. Если бы не плачущая женщина, хохот бы стоял долго.

– Мы сейчас отправимся всей толпой в магазин и купим чего-нибудь на завтрак. А вы тут беседуйте на здоровье, – сказала Надя.

Предложение было принято, и в офисе остались только Бобров и Проскурина. Ерожин провел Никиту Васильевича в большую комнату, предложил сесть в кресло, а сам устроился напротив:

– Выкладывай, полковник, что, по твоему ведомству известно.

Бобров с кресла встал и, подойдя к окну, поглядел на заснеженный сквер.

– Зарезали парня сзади. Удар пришелся в сердце. Заключение медицинской экспертизы, как ты понимаешь, еще нет. Но и так все ясно. Грузина зарезали умело. Трудно предположить, что это случайное хулиганство. Но самое интересное – это его документы. Паспорт на имя Анвара Чакнавы фальшивый.

Я побеседовал с директором труппы. Яков Михайлович Бок сообщил, что человек, называвший себя Анваром Чакнава, финансировал постановку, на премьере которой его убили. Пока это все. Поговори с девушкой. Она желает твоего участия. согласишься – будем работать вместе. – Бобров попрощался и заспешил в управление.

Оставшись один, подполковник оглядел комнату для сотрудников. В комнате стояло три стола. На одном лежал телефонный справочник. На втором разместился компьютер и факс. Третий оставался стерильно чистым, если не считать фотографии. Снимок стоял в деревянной рамочке. Петр Григорьевич подошел ближе и обнаружил знакомую карточку Райхон. Жена уже завела себе в офисе рабочее место и украсила его снимком своей мамы.

Петр Григорьевич вышел в коридор и остановился перед дверью с табличкой «ДИРЕКТОР Петр Григорьевич Ерожин». Петр Григорьевич открыл дверь и вошел в кабинет.

В его начальственном кресле сидела артистка Нателла Проскурина. Полюбоваться офисом после ремонта Ерожин не успел. Первый рабочий день частного сыскного бюро начинался с убийства.

8

– Давай, моя твоя жениться будем, – сказал Халит, поглаживая своей сухой смуглой рукой Дарьи Ивановну по спине.

Никитина резко перевернулась, приподнялась на постели и натянула простыню до подбородка.

– Ты думай, что мелешь?! Людям на потеху себя выказывать? Нечего сказать, молодые...

У меня уже внучка чуть замуж не вышла....

– Спать вместе хорошо?

– Стара я для невесты, – вздохнула Дарья Ивановна и улеглась на спину.

– Совсем ты даже не старый. Очень ты даже хороший. Сиська большой, крепкий. Как у девушка сиська. Для меня совсем даже молодой, – запротестовал Халит.

– Для тебя, старого черта, может и молодая. И откуда только силы берутся?! Не давал спать всю ночь. Тощий, сухенький, а до печенок достал. Зачем я, дура, тебя от простуды выходила? – сказала Дарья и зевнула.

– Давно женщина нет. Халит любви много скопил. Сегодня маленький часть отдал, – улыбнулся мусульманин.

– Уморишь, старый черт, если за тебя замуж соглашусь, – проворчала Дарья. – Ты сейчас после болезни, а в силу войдешь, каково?

Слишком неожиданным для Никитиной стало предложение о замужестве. Да и произошло все как-то быстро. Десять дней назад ударили крепкие морозы. Речку, что текла за лесом, сковал лед. Мусульманин отправился на подледную рыбалку. Проходя мимо ее двора, крикнул: «Готовь чугунок. Моя вернется, уха варить будем».

Течением на речке намыло полынью, и Халит провалился в ледяную воду. Возвращался весь обледенелый. Дарья взяла соседа в дом, переодела в сухое белье, но было поздно. Халит застудился. Промокшего рыбака бил озноб, и у него поднялась высокая температура.

Никитина оставила Халита у себя и неделю ходила за ним. Температура спала. Вчера больной попил чаю и долго ворочался.

– Чего маешься, не спишь? – спросила Дарья. Халит не ответил.

Минут через пять Никитина услышала, как мусульманин поднялся и зашлепал босыми пятками по полу. Затем она почувствовала, что он присел на краешек кровати.

– Ты чего, Халит? – спросила она.

Вместо ответа сосед быстро забрался под одеяло и, крепко ухватив Дарью, принялся ее целовать. Женщина от неожиданности оторопела. Пока она раздумывала, как поступить, Халит времени не терял, и Никитина поняла, что возмущаться поздно...

Настенные ходики выпихнули из домика кукушку, и та прохрипела семь раз.

– Куры не кормлены. Раз в мужья набиваешься, иди и корми, – приказала Дарья Ивановна и отвернулась к стенке.

Халит расплылся в улыбке, ловко выбрался из-под одеяла и, не зажигая света, оделся.

– Пшеница в сенях, в кадке, – сонно сообщила хозяйка и уснула. Халит надел тулуп, шагнул в сени, отыскал кадку и, насыпав в миску зерна, вышел на улицу.

На дворе вовсе не светало. Безоблачное небо мерцало яркими звездами, вот только луны Халит не увидел. Вчера с вечера круглая лунища во всю лупила в окно, а к утру спряталась.

Мусульманин протопал к сараю. Куры от неожиданности, что вместо Дарьи появился мужик, с кудахтаньем забились по углам. Халит насыпал пшеницы в длинную деревянную кормушку, проверил, есть ли вода в поилках, и вышел из сарая. Душа мусульманина требовала праздника. Сегодня ночью закончилась его одинокая жизнь. Хотелось петь. В душе Халита торжественно звучали свадебные карнай сурнай. В эти огромные медные дудки на Востоке по праздничным дням трубят музыканты, поднимая их к небу и удерживая на губах без рук.

«Буду баню топить», – подумал Халит и пошел в сени за ведрами. За ночь цепь на деревянном колодезном валу обледенела. Раскручиваясь, она сыпала в темный зев колодца, ледяные осколки. Халит услышал, как пустое ведро коснулось воды, дождался, когда оно затонет и затяжелеет, и начал накручивать цепь. Ведро поднималось, постукивая о края колодца и расплескивая воду.

В баньке Дарьи Халит раньше не бывал, но быстро разобрался, что где, и стал заливать котел. Вмонтированный в печь чугун вмещал десять ведер. Чтобы его наполнить, Халит пять раз отшагал до колодца и обратно. Еще шесть ведер требовал бак для холодной воды. Халит наполнил до краев и его. Теперь пришла пора топить печь. Колотых дров в поленице оказалось мало. Халит и раньше колол Дарье дрова и потому хорошо знал, где искать топор.

Сухие березовые кругляки кололись со звоном. Мусульманин с удовольствием махал топором. Слабость после перенесенной простуды отступила. Видно, организм Халита после ночи с Дарьей добавил тонуса и прогнал остатки хвори. Дров для парной было уже вполне достаточно, но топор в руках мусульманина продолжал расправляться со звонкой березой. Оглядев кучу наколотых дров, Халит сложил часть в поленицу, а часть понес в баньку. В самой бане и предбаннике для одежды пока было так же морозно, как и на улице, но дровосеку после трудов стало жарко и он скинул тулуп и присел возле печи. Повадки огня старый мусульманин знал хорошо и с огнем ладил. Под кучку дров он заложил кусок бересты и когда поднес спичку, береста вспыхнула, словно ее облили керосином. Скоро принялись и дрова. Языки пламени на глазах набирали силу, и в трубе уютно загудело. Халит подвинул к огню скамейку и, усевшись на нее, огляделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.